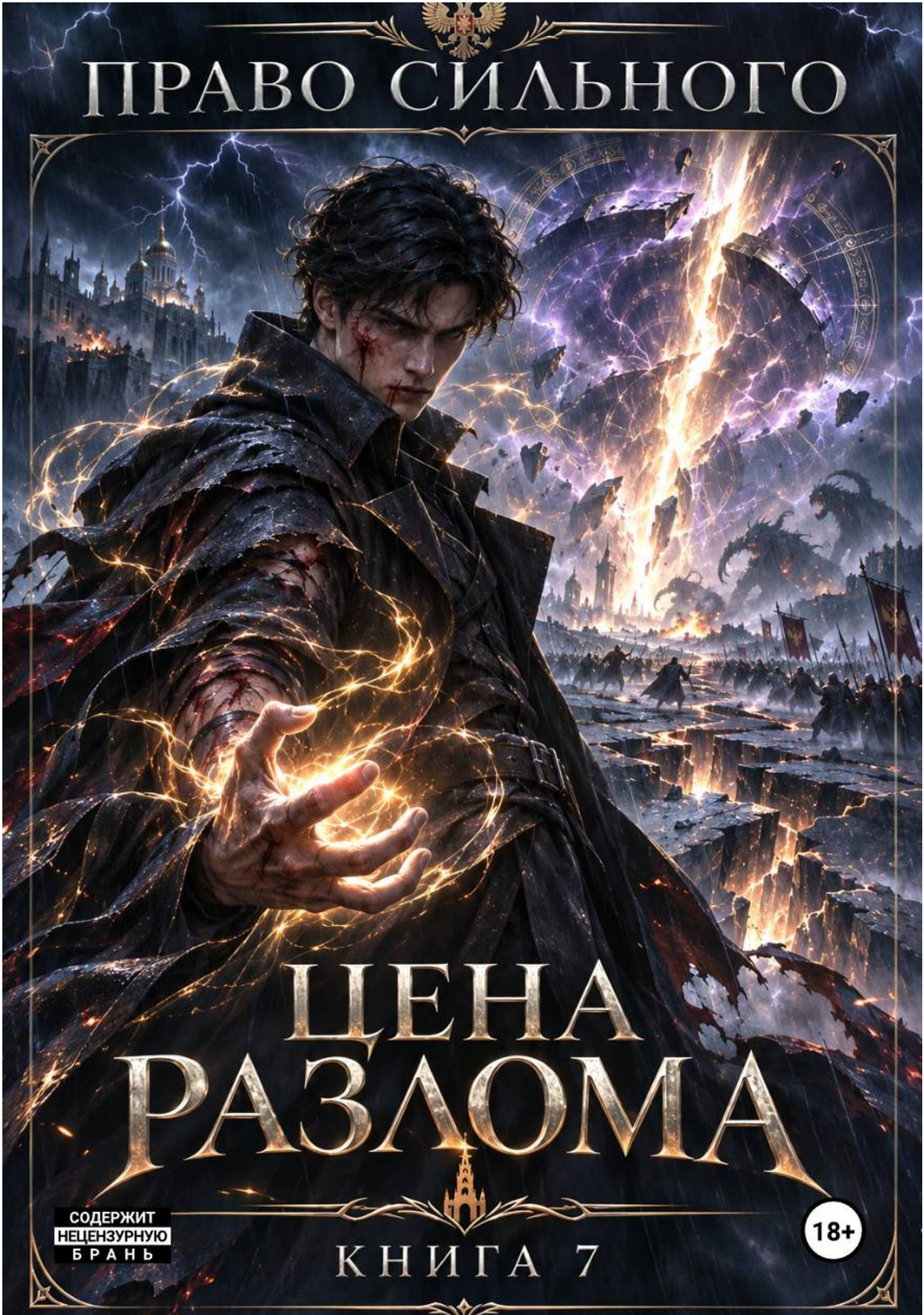
ПРАВО СИЛЬНОГО



ЦЕНА РАЗЛОМА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

КНИГА 7

Михаил Капралов

Право сильного. Цена разлома

«Автор»
2026

Капралов М. А.

Право сильного. Цена разлома / М. А. Капралов — «Автор», 2026

Эксперименты с магическими источниками и аномальными пространствами начинают приносить последствия, которые уже невозможно скрыть за стенами лабораторий.Разломы становятся опаснее. Привычные правила магии перестают работать, а цена каждой ошибки растёт.Демьян оказывается среди тех, кто способен разобраться в происходящем. Но его интересует не спасение мира, а собственная свобода и возможность стать сильнее.Впереди противники, которых невозможно победить привычными методами, и сила, за использование которой неизбежно придётся платить.

© Капралов М. А., 2026
© Автор, 2026

Михаил Капралов
Право сильного. Цена разлома

ПРАВО СИЛЬНОГО
ЦЕНА РАЗЛОМА
Книга 7 в серии

Глава 1. Следующее окно

Человек может привыкнуть почти ко всему. К стрельбе за стеной, крови на рукавах, чужим попыткам его убить и профессору, который уже полгода смотрит на один и тот же показатель магического ранга с выражением личной обиды.

К отсутствию стрельбы привыкнуть оказалось сложнее.

Три дня никто не пытался меня похитить. Ни одной машины с отключёнными номерами, ни одного странного звонка и ни одного лабораторного идиота, решившего проверить, как работает мой источник. Я даже успел дважды сходить на занятия и один раз полноценно выспаться.

На четвёртый день Карева пригласила меня на полигон.

— Сегодня без разрушения оборудования, — сказала она, прежде чем я вошёл в зал.

— Тогда зачем вы позвали именно меня?

— Ильин.

— Всё, молчу.

Полигон оборудовали тремя подвижными мишенями. За каждой располагался независимый защитный контур; система меняла направление атаки в зависимости от положения мага. Обычный учебный комплекс. Разве что новый, потому что предыдущий после наших занятий отправился в долгосрочный отпуск по инвалидности.

Черкасов стоял у измерительного пульта. При моём появлении профессор только вздохнул и включил запись.

— Параметры те же. Официально третья ступень, — сказал он. — Посмотрим хотя бы на распределение.

Сначала провёл через мишени серию воздушных ударов. Без особого усиления. Первый срезал защиту подвижной цели, второй разбил узел питания, третий ушёл в заранее подготовленную каменную стену, которую я поднял за последней мишенью. Стена погасила импульс без повреждения пола.

Карева посмотрела на стену.

— Я просила не ломать оборудование.

— Ни одна мишень не пострадала больше положенного.

— Узел питания оторван.

— Сработало слабое крепление.

— Слабое для ваших ударов. Остальные студенты с ним справляются.

— Тогда поставьте мишень, рассчитанную на мою нагрузку.

Карева сделала пометку в журнале и показала рукой, чтобы я продолжал. Спорить с измерениями она не любила не меньше моего.

Следующая серия была сложнее. Я усилил ноги, корпус и плечевой пояс одной связкой, не распределяя мощность по отдельным движениям. Воздушная опора включилась одновременно с первым шагом. Тело рвануло вперёд, мишени успели повернуться только наполовину. Приземлился между ними, коснулся одной ладонью, второй — локтем и уже стоял у исходной отметки, когда система закончила рассчитывать траекторию.

Две мишени погасли. Третья сохранила щит.

— Время? — спросил я.

Черкасов показал запись.

— Меньше секунды на весь проход. При этом вы почти не увеличили расход источника. За счёт чего?

— Перестал отдельно разгонять тело и отдельно компенсировать последствия разгона.

— Это не объяснение, Ильин.

— Для меня работает.

— Вот это и вызывает определённое беспокойство.

Под кожей на предплечьях прошла знакомая горячая волна. Мелкие надрывы восстановились ещё до того, как я снял усиление. Ничего особенного: тело наконец научилось не мешать тому, кто им пользовался.

Карева, к моему удивлению, не отключила стенд. Вместо этого передвинула на пульте три ползунка и заставила мишени разойтись к противоположным стенам.

— Ещё один опыт. Без скорости. Хотим понять, как вы распределяете внимание, когда приходится одновременно удерживать несколько техник.

— А я думал, мы уже выяснили, что я очень невнимательный студент.

— Вы невнимательны к моим предупреждениям. Это разные вещи.

Черкасов подключил дополнительную измерительную рамку. В отличие от обычного рангового прибора она не пыталась вычислить ступень по привычной форме источника. Просто показывала, сколько энергии уходит в каждый канал и насколько сильно соседние каналы меняются от нагрузки. Полезная штука. Особенно для тех, кто собирается перестать рвать собственные связки каждый раз, когда требуется ускориться.

Мне выдали три задачи. Удерживать воздушный барьер перед первой мишенью. Постоянно нагревать металлическую пластину во второй, не позволяя температуре подняться выше установленной отметки. Третью следовало перемещать по узкой дорожке, используя только камень. Никакой огневой мощи, которой можно было бы гордиться на празднике академии. Работа аккуратного слесаря с очень дорогими инструментами.

Начал медленно. Воздух принял первую нагрузку. Огонь заработал на второй линии. Каменная дорожка двинулась. Прибор нарисовал три аккуратных графика.

— Теперь измените второй поток вдвое, — велел Черкасов.

Я прибавил жар. Первая линия на мгновение потянулась следом, как будто решила, что раз одна работа стала важнее, остальные тоже должны отчитаться о проделанном. Остановил колебание, не дав ему дойти до щита. Следующее изменение провёл уже иначе: не через общую команду источнику, а отдельным решением, замкнутым только на огонь.

Графики разошлись.

Черкасов перестал делать записи.

— Повторите.

Повторил. Теперь воздушный барьер остался совершенно неподвижным, хотя нагревательная пластина побелела от жара. Каменная дорожка тоже продолжала двигаться с прежней скоростью. Я чувствовал небольшое дополнительное сопротивление, словно пытался сразу несколькими пальцами повернуть туго затянутые винты. Неприятно. Но не опасно.

— Вы специально разделили управляющие связки? — спросила Карева.

— Они и раньше были разделены. Теперь просто перестал заставлять одну докладывать другой, что она делает.

— Это не предусмотрено стандартной техникой.

— Стандартная техника много чего не предусматривает. Например, почему ваши тренировочные мишени умирают раньше, чем я успеваю закончить упражнение.

На этот раз преподавательница даже не возмутилась. Внимательно изучала шкалу. Черкасов попросил сохранить исходный набор графиков и отключить запись на внешнем сервере академии. Хорошая мысль, хотя высказанная подозрительно поздно. Я посмотрел на него.

— Доступ к измерениям — только вам двоим и моим специалистам. Если научный совет захочет посмотреть, сначала согласуем, что именно ему покажут.

— Мы не прячем научные результаты, Ильин.

— Тогда можете написать в отчёте, что студент успешно выполнил упражнение и испортил настроение кафедре. Для науки этого пока достаточно.

Черкасов нахмурился, однако спорить не стал. Он уже видел мои старые показатели и понимал, насколько некрасиво будет выглядеть их сравнение в руках людей, привыкших приобретать редкие источники вместе с владельцами. Подобные коллекционеры мне встречались. Некоторые даже умели улыбаться перед тем, как отдавать приказ о похищении.

Я погасил три техники в обратной последовательности. Ощутил, как источник с привычной лёгкостью возвращает всё управление в общий порядок. Возможность развести его существовала и раньше; теперь получалось быстрее. До настоящей независимости было далеко. Но направление понравилось.

Профессор ещё несколько минут изучал графики, затем неожиданно сказал:

— Если бы я не видел эти измерения собственными глазами, решил бы, что вы подключили к телу второй источник.

Я взглянул на экран. Рядом с отметкой третьей ступени прибор нарисовал совершенно неприличную кривую пропускной способности.

— Значит, хорошо, что вы здесь.

Карева махнула рукой в сторону выхода.

— Всё. На сегодня хватит. Следующая мишень будет стоить кафедре слишком дорого.

Я собрал вещи.

В раздевалке меня догнал Руслан. Он нёс два планшета и выглядел так, будто заранее решил пожаловаться на устройство мира.

— Ты можешь хотя бы один раз пройти занятие как нормальный человек?

— Могу. Только зачем?

— Наши группы потом заставляют повторять твои результаты. Карева говорит, что если Ильин сумел, остальные должны хотя бы попробовать.

— Передай ей, что мне очень приятно быть причиной чужого трудолюбия.

— Сам передавай.

Руслан сел на скамейку и открыл запись последней тренировки. В отличие от большей части студентов, он не считал своё отставание личным оскорблением. Ему действительно было интересно, каким способом я распределяю силу.

— В начале ты поднял камень и сразу включил воздушную опору, — сказал он. — Но если две техники исполняются одновременно, у них должен появиться общий управляющий узел. Почему твой не перегрелся?

— Потому что общего узла не было.

Он посмотрел на запись ещё раз.

— Ты разделил команду?

— Команды изначально независимы. Я просто задал им одну цель.

— Но они должны обмениваться нагрузкой.

— Не обязательно. Если одна отвечает за перемещение, а другая — за устойчивость, можно не заставлять их каждые полсекунды договариваться друг с другом.

Руслан медленно поднял глаза.

— Ты понимаешь, что многие маги годами учатся даже одному такому разделению?

— Значит, им надо чаще тренироваться.

Он выругался. Я не стал смеяться. Для обычного мага вопрос действительно был непростым, а мне не хотелось превращать каждую собственную особенность в учебную лекцию.

На выходе встретил Марфу. Она вернула мне небольшой накопитель, который брала для испытания независимого переключателя.

— Работает, — сказала она. — Мы изменили фазу, как ты советовал. Но при обратном ударе третья ветвь всё равно пытается стать главной.

— Оставь ей отдельный ограничитель. Без права управлять остальными.

— Тогда защита станет медленнее.

— На несколько миллисекунд. Зато не рухнет от первой удачной атаки.

Она задумалась.

— Ты опять используешь людей как собственный полигон?

— Только тех, кто подписал согласие.

— Я ничего не подписывала.

— Значит, сегодня без опытов на тебе.

Марфа фыркнула, забрала накопитель и ушла к лаборатории. Я проводил её взглядом. Ей нравилось доказывать, что мои расчёты могут ошибаться. Мне нравилось, когда у других хватало ума это проверить.

В коридоре позвонила Влада.

— Ты жив? — спросила она без приветствия.

— Пока никто не прислал убедительных возражений.

— Прекрасно. Тогда завтра ты свободен вечером?

— Не знаю. У меня могут появиться дела.

— Отвечай так, будто мне интересно расписание, а не подробности твоих убийств.

Я усмехнулся.

— После восьми, если не задержусь.

— Тогда забронирую стол. Ничего торжественного, просто ужин. И да, в этот раз постарайся прийти без крови на одежде.

— Не могу обещать.

— Ты хотя бы понимаешь, насколько ненормально звучит твой ответ?

— Ещё бы. Нормальные люди давно бы перестали приглашать меня ужинать.

Она отключилась, не став спорить. Мы давно договорились не обсуждать то, чего ни один из нас не собирался менять. Меня устраивало её отношение. Её, похоже, тоже.

До производства оставалось около часа езды. На дороге пришлось дважды объезжать колонны с военной техникой. Первая шла к северному полигону, вторая возвращалась из аномальной зоны. На броне грузовиков были следы кислоты, а у одного отсутствовала половина защиты.

За рулём я вспомнил, что в последнее время Егор всё чаще говорил о странных откликах пространственных установок. Аномалии существовали задолго до «НУЛЯ», и военные давно научились получать из них ресурсы. Но связывать их геометрию с искусственным переносом сознания — идея, от которой у любого нормального исследователя должны были зачесаться руки.

У Сперанской, видимо, зачесались раньше остальных.

На производство приехал ближе к полудню.

* * *

Софья Николаевна Громова встречала меня не с жалобами, а с цифрами. Это я в людях ценил.

В центральном цехе «Ильин-Теха» собирали новые накопители для защитных систем. Линию расширили после того, как прошлой зимой несколько крупных заказчиков внезапно

обнаружили, что обычные промышленные щиты плохо переносят встречу с настоящей аномальной тварью.

На полу пахло нагретой изоляцией и свежим металлом. За стеклом оператор следил, как шесть небольших кассет по очереди проходят силовую проверку. Рядом на столе лежал протокол приёмки. Всё подписано. Всё с датой. Сразу видно — здесь работали люди, которые не надеялись, что их начальство угадает результат по дыму над зданием.

— У нас два вопроса, — сказала Громова. — Первый простой: поставка на «Северный контур» согласована, но покупатель требует дополнительную проверку независимым экспертом.

— Пусть проверяет за свой счёт.

— Именно так я и ответила. Второй неприятнее. Один из подрядчиков предупредил о возможном ограничении поставок промышленной энергии. Ссылаются на перераспределение нагрузки из аномальной зоны.

— И что они от нас хотят?

— Перейти на другой тариф. Дороже на сорок процентов.

Я остановился.

— На каком основании?

— Прислали решение комиссии. Вот.

На экране открылась бумага с тремя подписями и печатью энергетического оператора. Формулировка выглядела убедительно: резервирование аварийных мощностей, корректировка регионального баланса, ограничения по классу потребления.

В строке основания стоял код «А-17/П». Он напомнил мне одну из таблиц Егора, но память не сразу подсказала какую.

— Отправь копию в мастерскую, — сказал я.

— Уже отправила. И попросила нашего юриста проверить правомерность изменения тарифа.

— Софья Николаевна, вы иногда лишаете меня удовольствия отдавать приказы.

— У вас остаётся возможность подписывать расходы. Она тоже приносит удовольствие некоторым людям.

Я рассмеялся. Коротко. Громова позволила себе едва заметную улыбку и провела меня в переговорную, где лежали контракты на следующий квартал.

Производство работало. Охрана перестроена. Заказы не зависели от того, сплю я или режу очередной секретный объект. Именно такой бизнес мне и был нужен.

В производственном цехе меня остановил начальник смены. Не с жалобой и не с просьбой подписать приказ. Он держал в руках две одинаковые защитные пластины, одна из которых потемнела по краям.

— На испытании одна сработала раньше другой, — сказал он. — По документации обе должны включаться одновременно. Контроллер исправен, накопители из одной партии. Мы уже трижды проверили.

Я взял пластины, осмотрел края. На повреждённой оставался след локального перегрева. Первая мысль — плохой контакт. Но инженер показал журнал: три разных подключения, три одинаковых отклонения. Значит, проблема повторялась не случайно.

— Как распределяется приоритет? — спросил я.

— Одна цепь основная, другая резервная. В случае отказа основного контроля резерв получает разрешение.

— А если обе линии видят команду одновременно?

— Должны согласовать.

— Вот именно. Должны. Не факт, что успевают.

Попросил включить стенд на безопасной нагрузке. На первом испытании обе пластины работали как положено. На втором я изменил не мощность, а скорость поступления сигнала. Основная линия успела принять решение, резервная получила подтверждение с небольшой задержкой и попыталась компенсировать то, чего уже не существовало. Возник короткий обратный импульс. Совсем небольшой, но его хватило для перегрева.

Инженер нахмурился.

— Получается, они мешают друг другу, хотя обе исправны.

— Получается, система считает, что у неё обязан быть один старший, и тратит время на его назначение. Попробуйте дать резерву право не только ждать отказа, но и самостоятельно отвергать неправильный сигнал.

— Тогда понадобится дополнительный контроль.

— Понадобится. На похороны сотрудников понадобится больше денег.

Он записал замечание. Я отправил копию Егору. Слишком уж знакомая проблема: управление несколькими исправными процессами зависело от общей очередности. Раньше это было свойством хорошей защитной автоматики. Теперь мне всё чаще казалось, что именно от него стоит научиться отказываться.

Начальник смены предложил назвать модификацию моим именем. Я отказался. Хватало того, что в академии уже существовали мишени, неофициально названные «пострадавшими от Ильина». Пускай новые пластины будут просто исправными. Нормальная работа не нуждается в памятнике.

Перед тем как уехать с производства, я прошёл на дальний склад. Здесь хранили накопители повышенной мощности, и даже после смены службы безопасности сотрудники предпочитали ставить на вход две независимые проверки. Начальник охраны показал журнал. Последние трое суток — ни одного незапланированного посетителя. Обычные поставщики, машины с проверенными номерами, технические комиссии только по предварительному согласованию.

— Если кто-то придёт с приказом немедленно открыть ворота, — сказал я, — сначала звоните Громовой. Потом мне. Только не наоборот.

— А если приказ государственный?

— Пусть государство тоже умеет подождать, пока его удостоверение проверят.

Он кивнул. У нас уже были случаи, когда люди под официальными печатями пытались пронести оборудование, способное отключить охрану прямо изнутри. Повторять это развлечение я не собирался.

На складе работали четверо обычных сотрудников. Молодой грузчик ругался на паллету, которая никак не хотела входить в направляющие. Один из операторов помогал ему и предлагал разобрать половину упаковки.

Я поднял ящик короткой воздушной опорой и поставил на нужное место.

Оба замолчали.

— Спасибо, — выдавил грузчик.

— В следующий раз используйте погрузчик. Он за это зарплату получает.

Парни переглянулись. Я пошёл к выходу.

Для меня производство было не местом, куда надо приезжать ради демонстрации собственной важности. Рабочие должны получать деньги, Громова — управлять, оборудование — выпускать продукцию. Если каждое решение будет ждать моего появления, получится не предприятие, а ещё одна лаборатория с незаменимым начальником.

Такие лаборатории я в последнее время регулярно закрывал.

По дороге в академию телефон завибрировал.

Егор.

«Не заезжай домой. К нам. Срочно. И бери бумагу про энергетику».

Я открыл сообщение Громовой с уже приложенным документом.

Знакомый код перестал казаться случайностью.

* * *

В мастерской Егор встретил меня возле большого стола. Марина разложила на нём распечатки поставок «НУЛЯ», медицинские журналы из «Сдвига» и карту семи точек, на которых мы остановились в конце прошлого расследования.

Четыре точки были зачёркнуты. Три оставались открытыми.

— Что нового? — спросил я.

— Они сменили поставщиков, — сказал Егор. — Почти всех. И закрыли юридические цепочки, которые мы собрали после смерти Руднева.

— Умные люди.

— Настолько, что я на два дня поверил, будто лаборатория вообще перестала работать.

Марина повернула к нам монитор. На нём были два графика, один из которых на первый взгляд вообще не относился к медицинской программе: измерения нагрузки регионального энергокольца.

— Вчера ночью я сопоставила время переключений из журнала «П-4» с аварийными ограничениями по энергоснабжению, — сказала она. — В девять случаях из одиннадцати нагрузка уходила в одну и ту же расчётную зону. Не в одну подстанцию. Именно в зону, как будто кто-то временно подключался к большой сети без постоянного адреса.

— Аномалия? — спросил я.

Егор кивнул.

— Периферийные сборщики покупали мощность у энергетиков. Центральный комплекс использует другое. Резерв глубинного пространственного узла, который входит в инфраструктуру энергетических объектов на границе аномальной территории.

— Это вообще законно?

— Использовать энергию из аномальных зон — да, при лицензии и соблюдении ограничений. Подключать к ней экспериментальный пространственный контур без регистрации — нет. Но нас интересует не юридическая часть.

Марина показала три документа. На каждом стояла разная дата, разное предприятие-получатель и одинаковая внутренняя отметка: «А-17/П».

Та самая, что пришла Громовой.

— Это не адрес, — сказала она. — Код окна согласования мощности. Его выдаёт человек, имеющий доступ сразу к государственной лицензии на энергосбор, гражданской транспортной сети и закрытому промышленному резерву. Без его подписи контур не собрать.

— Значит, у нас есть человек.

— Пока только должность. Уполномоченный согласования. Такие записи подписывают не в лаборатории, а у финансирующего оператора.

Я сел, разглядывая график.

— Сперанская не могла перенести всё оборудование на место разом?

— Могла бы, — ответил Егор. — Если бы готова была показать миру установку размером с завод и признать, что каждый раз запитывает её от аномальной зоны. Вместо этого она собирает рабочую архитектуру на время. Часть модулей остаётся физически в разных местах. Пространственные переходы на несколько часов делают их единым комплексом. Потом всё разбирается.

— Сколько часов?

— В последнем цикле — три часа сорок минут. Следующее окно она может открыть уже послезавтра. Но мы не знаем где.

— Зато знаем, кто выдаёт разрешение.

Марина показала на одну из колонок.

— Оператора представляет управляющий «Каскад-Ресурс». Их обычный бизнес — обслуживание энергоузлов и закупки защитного оборудования. У компании сложные связи среди дворянских промышленных домов, но всё законно. Они не выглядят ширмой «НУЛЯ». Возможно, лишь один человек внутри проводит чужие согласования.

— Фамилия?

— Николай Юрьевич Яровой. Не маг, — ответила Марина. — Но по финансовым документам человек куда опаснее многих.

Она открыла справку. Яровой числился руководителем крупного промышленного консорциума, участвовал в государственных комиссиях и раз в год принимал награду за безаварийную работу энергетических объектов. Двое детей, дом под охраной, приличная биография. Слишком приличная, чтобы её покупали по одной зарплате.

— Его охраняют? — спросил я.

— Четыре группы, — ответил Егор. — Плюс личные соглашения с аристократами. И главное: если он исчезнет, разрешения автоматически перейдут заместителю. Тот либо ничего не знает, либо сразу закроет доступ.

Я усмехнулся.

— Значит, убивать его невыгодно.

Марина посмотрела на меня.

— Хорошо, что ты это заметил до выезда.

— Ищу, с кого можно взять пример.

Егор указал на другой документ.

— «Ильин-Тех» получил повышение тарифа по тому же коду. У вас действующий контракт на резервное питание. Это даёт законное право запросить объяснение причины и состав комиссии, которая пересмотрела тариф. Не раскрыть секретные данные, разумеется. Но создать проблему Яровому вполне достаточно.

— Софья Николаевна уже подняла юристов.

— Вот и прекрасно. Если Яровой подпишет ответ, мы получим его настоящую подпись и время последнего согласования. Если откажется — будет вынужден объясняться с вашими контрагентами, а это деньги.

Я посмотрел на список семи точек.

Задача менялась. Не нужно было снова ездить по заброшенным складам, выбивать двери и вытаскивать из мёртвых карманов адреса. Теперь существовала дверь, которая открывалась не силой.

Почти непривычно.

— Громова занимается претензией, — сказал я. — А мы выясним, зачем Яровому понадобилось подписывать чужое окно.

— Есть одна проблема, — заметил Егор.

— Какая?

Он повернул ко мне график аномальной нагрузки. В ночь последней сборки возле источника произошёл выброс, который энергокомпания записала как ложное срабатывание датчиков. Но его спектр совпал с теми возмущениями, которые мы видели при закрытии «Сдвига».

— Они не просто берут энергию, — сказал Егор. — Они меняют нагрузку на пространственном узле. Ненадолго, но каждый раз чуть сильнее.

— Узел выдерживает?

— Пока да. Иначе мы бы уже узнали.

Я откинулся на спинку стула.

— Тогда пусть заканчивают свою научную работу быстрее. Мне надоело читать их бухгалтерию.

— Есть ещё одна зацепка, — сказала Марина, когда мы уже собирались закончить разговор. — Тарификатор «А-17/П» не просто связывает подрядчиков. У него странная особенность: каждая подпись существует только ограниченное время. Через четыре часа она перестаёт подтверждать новый переход, даже если формально договор действует весь месяц.

— Чтобы нельзя было украсть одно разрешение и пользоваться им годами?

— Именно. Система рассчитана на контроль кратковременных сборок. Причём отзывают не сам допуск, а положение относительно физического объекта. Если объект смещается, старая подпись становится недействительной.

Егор принёс ещё один лист. На нём были отметки о трёх грузах, ушедших с разных заводов в одно и то же время. По гражданским документам их получали разные предприятия, находившиеся в сотнях километров друг от друга.

— Зачем разделять перевозку? — спросил я.

— Чтобы никто не увидел лабораторию целиком, — ответил Егор. — Один завод поставляет медицинскую аппаратуру, другой — стабилизаторы, третий — энергетические кассеты. Когда окно открывается, эти три места на несколько часов становятся соседними комнатами.

— А потом расходятся.

— Именно.

Посмотрел на схему. Хороший способ спрятать дорогостоящий комплекс. Даже если кто-то выведет из строя один модуль, остальные не обязаны погибнуть вместе с ним. Сперанская заплатила за устойчивость маршрутов сложностью управления, но в целом решение выглядело грамотным.

— Сколько людей надо, чтобы собрать окно?

— Не меньше трёх с независимыми правами подтверждения. Один из финансирования, один из технического контроля и один из самой программы. Но последний может находиться где угодно, пока есть рабочий канал.

— Значит, начнём с тех, кто подписывает открыто.

— Яровой, — сказала Марина.

— Яровой, — согласился я.

Впервые за долгое время мы искали не следующую дверь, а тех, кто вообще способен её открыть. Это сулило меньше трупов в ближайшие дни. Впрочем, какие именно люди окажутся по другую сторону переговорного стола, ещё предстояло выяснить.

Телефон завибрировал, когда мы уже начали сворачивать карту. На экране высветился Волков.

— Ильин, у тебя минут десять найдётся?

— Если без воспитательных бесед.

— Тогда восемь. По Брагину.

Я включил громкую связь. Егор отложил бумаги, Марина осталась у монитора.

— Носитель жив, — сказал полковник. — Стабилизатор работает. Анна Рябинина остаётся рядом с врачами. Она смогла удержать источник в двух случаях, когда его пытались подключить к штатному медицинскому накопителю.

— И кто решил подключать к нему штатную хрень?

— Врач, не ознакомившийся с протоколом. Его уже отстранили.

— Надеюсь, не отстранили от чего-нибудь ненужного вроде премии.

Волков выдержал паузу.

— Ты поинтересовался бы сперва, что с пациентом.

— Ты сказал, что жив. Если бы умер, начал бы с этого.

— Жив. Сознание восстановилось частично. Он помнит имя и некоторые события своей жизни. Но после эпизодов внешнего управления жалуется, что часть решений воспринимается как чужая.

Я посмотрел на Егора. Тот молча взял ручку.

— Новых попыток контроля не было?

— Зафиксировано два коротких выброса, — ответил Волков. — Оба после смены оборудования. Рябинина считает, что остаточный контур реагирует на внешнюю систему питания, даже когда её физически отключили.

— Значит, перепроверьте всю аппаратуру. И держите больницу под охраной. Если кто-то попытается вытащить Брагина под новым предлогом, пусть сначала объяснит это тебе лично.

— Так и сделано. Теперь неприятная часть. Несколько ведомств требуют передать пациента на отдельное изучение. Они увидели результаты и решили, что искусственный источник слишком ценен для обычного лечебного отделения.

— Ведомствам хочется новую игрушку. Очень трогательно.

— У меня пока есть основания не передавать. Но чем дольше он у нас, тем больше вопросов.

Я вспомнил тело в цилиндре, которое двигалось по чужой команде, пока собственный человек едва успевал понять, где находится.

— Арсений, если они попытаются сделать из Брагина новый образец, твои бумаги им не помогут.

— Я не собираюсь превращать его в образец.

— Ты — может, и нет.

Волков заговорил тише:

— Есть ещё вопрос. После «Сдвига» мы проверили сеть поставок. Часть цепочки уходит к государственным энергетическим объектам возле аномальных территорий. Мне предложили не трогать эти контракты. С формулировкой «особая стратегическая важность».

— Ты отказался?

— Я запросил письменное распоряжение. Его пока не дали.

— Правильный подход.

— А у тебя есть сведения, что это связано со Сперанской?

Посмотрел на код «А-17/П», лежавший на столе.

— Есть основания так думать. Но пока это не доказательство для твоих начальников. У тебя наверняка уже нашёлся кто-нибудь, кто считает искусственные источники решением всех имперских проблем.

— Нашёлся не один.

— Тогда осторожнее с тем, кому отправляешь журналы.

Полковник помолчал.

— Ильин, ты понимаешь, что такая технология действительно изменит страну? И если мы сейчас всё уничтожим, через несколько лет другую лабораторию построят заново, только без твоего участия.

— Пусть строят. Пока не начнут использовать моих людей и моё тело, мне плевать, какую игрушку покупает Империя за свои деньги. Но Сперанская уже решила, что может распоряжаться мной. Поэтому её лаборатория заканчивается независимо от стратегической важности.

— Ты сказал это довольно спокойно.

— А надо было кричать?

— Не надо.

Он сообщил ещё две фамилии для связи с медицинской группой и отключился.

Егор смотрел на меня с выражением человека, который только что услышал объяснение любимой проблемы.

— Государство не станет уничтожать всю разработку, — сказал он.

— Ещё бы. Ты сам говорил, сколько можно заработать на искусственных источниках.

— Значит, после Сперанской появятся другие.

— Может быть. Их будем решать по мере необходимости. Сейчас у нас есть живой начальник программы и окно, через которое она получает энергию.

Марина закрыла карту Брагина, чтобы не смешивать медицинские данные с контрактами.

Мне нравилось, когда люди понимали разницу между двумя задачами. Чужую судьбу можно было обсуждать бесконечно. Но на столе лежал конкретный код, а у кода — подпись конкретного управляющего.

Значит, на завтра у нас уже имелся план.

* * *

Вера Матвеевна Сперанская стояла перед тёмным стеклом испытательной камеры.

На столе рядом с ней лежали три отчёта. Первый подтверждал устойчивость искусственного сердечника, второй — закрепление внешней когнитивной матрицы, третий содержал перечень причин, по которым новая личность снова отвергла управляющий приоритет после сорока семи секунд работы.

Не сорока одной, как в «Сдвиге». Прогресс. Недостаточный.

— Результат? — спросила она.

Крамарова ответила без привычных вступлений:

— Источник стабилен. Разрушения тканей минимальны. Внешний рисунок закрепился, но на шестой минуте появилась самостоятельная коррекция. Носитель исполнил базовую задачу, после чего отказался от команды удерживать оператора в помещении.

— Почему?

— Решил, что оператор представляет угрозу. С точки зрения охранной задачи это правильное решение.

Сперанская повернулась.

— Значит, он переписал нашу команду собственным пониманием защиты.

— Да. Мы задали не тот уровень.

На экране появилась схема двух процессов. Один отвечал за удержание источника и сохранение памяти. Другой — за выбор действий. Крамарова уже дважды пыталась связать их после завершения адаптации. Оба раза получалось одно и то же: новое сознание находило собственный порядок приоритетов.

— Начинать до пробуждения, — произнесла Сперанская.

— Мы можем встроить общий поведенческий центр в момент формирования первой устойчивой связи, — сказала Крамарова. — Но тогда фактически зададим часть личности заранее. Мы не знаем, как это отразится на памяти внешнего рисунка.

— Узнаем.

— Для испытания нужен образец, способный выдержать два независимых ядра одновременно.

Сперанская посмотрела на соседний стенд. Там лежал новый, ещё не запущенный сердечник. По его поверхности мерцали тонкие синие линии, похожие на следы от молний под прозрачной кожей.

— Этот выдержит?

— По расчётам — да. Но потребуется дополнительный энергетический цикл и независимая резервная группа на случай распада сознания.

— Подготовьте.

Крамарова не уходила.

— Мы получили сигнал о действиях Ильина. Его компания запросила пересмотр энергетического тарифа. Через подрядчика, который выдаёт наши временные окна.

Сперанская медленно положила отчёт.

— Он ищет не лабораторию, а согласование.

— Похоже.

— Пусть ищет. С сегодняшнего дня внешний персонал не должен видеть ни одной постоянной привязки. Согласования подтверждать в обычном порядке. Изменить только последовательность сборки: рабочий сердечник подключим последним.

— Если он попадёт в одно из окон?

— Тогда он увидит то, к чему допущен подрядчик. Ничего больше. И не пытайтесь снова ловить его в коридоре. У нас больше нет Руднева, а воспитывать нового я не собираюсь.

Крамарова кивнула.

Вера вернулась к стеклу. За ним лежал будущий носитель — взрослый мужчина с пустыми, ещё не открывшимися глазами. Его тело было подготовлено, источник собран, внешняя матрица хранилась в изолированном блоке.

Оставалось самое сложное: сделать так, чтобы он впервые проснулся уже с нужным порядком решений.

Ей требовалось ещё два дня.

И разрешение на следующее окно мощности.

Глава 2. Люди с допуском

Управляющий «Каскад-Ресурс» соглашался на встречу только после письменного уведомления. Вежливо, почти радушно, но с обязательным приложением перечня вопросов, имён присутствующих и оснований для переговоров.

Мне нравились люди, которые не полагались на память секретарей. Они реже становились проблемой случайно.

Софья Николаевна положила передо мной три листа.

— Не перебивайте его в начале, — сказала она.

Я поднял глаза.

— Это приказ?

— Совет человека, который хочет получить необходимые бумаги, а не дополнительные расходы на ремонт офисного здания.

— Вы низкого мнения о моём умении вести переговоры.

— Наоборот. Поэтому я подготовила три способа заставить его ответить, прежде чем вы начнёте искать четвёртый.

В первом документе была претензия к тарифу. Во втором — уведомление о намерении изменить условия договора. В третьем — копия пунктов, по которым поставщик не имел права использовать резервные мощности, оплаченные нашим предприятием, для обслуживания неуказанных потребителей.

— Если он докажет, что ограничения введены государственной комиссией, нам придётся платить, — продолжила Громова. — Но если решение относится к другой категории энергопотребления, повышение тарифа незаконно. А обязанность подтвердить категорию лежит на нём.

— Что мешает ему показать красивую фальшивую бумажку?

— Подпись. Решение должно быть занесено в общий реестр. Подделка там стоит дороже самого тарифа. И он это знает.

Егор сидел у окна с ноутбуком. Услышав разговор, развернул экран.

— Яровой не просто руководитель. Его право согласовывать резервные подключения закреплено отдельным имперским лицензированием. Когда он подписывает документ, расход мощности уходит из одного расчётного контура в другой. Именно в этот момент центральные модули «НУЛЯ» получают возможность соединиться.

— Яровой сам знает, что включает?

— Не обязательно. Он видит класс нагрузки, гарантированную оплату и допустимую продолжительность подключения. Назначение установки указывается в закрытом приложении, которое может не проходить через его отдел.

— Значит, он может оказаться чистым.

— Может. Но деньги-то видит.

Марина передала мне маленькую папку с распечатками.

— У них три уровня согласования. Первый — техническая мощность. Второй — финансовый гарант. Третий — физическая отметка управляющего. Нам нужен не пароль, а способ отличить настоящее окно от имитации. Если подписи Ярового на тарифном решении и на скрытом резервировании совпадают по времени, мы увидим, откуда пришла первая половина подтверждения.

Я посмотрел на карту, где значились семь возможных точек сборки.

— Сколько стоило бы перекупить человека с таким допуском?

Громова назвала сумму, сопоставимую с годовой прибылью неплохого промышленного предприятия.

— Понятно. Лучше испортить ему настроение бесплатно.

— Не бесплатно, — поправила она. — Юристы выставят счёт.

Я убрал бумаги.

За день до встречи Егор прислал мне справку о Яровом. Не ту, что составлял отдел персонала, а настоящую — с провалившимися проектами, семейными связями и людьми, которые постепенно исчезли из его окружения.

Самое интересное находилось не в разделе компромата. Его там почти не было. Яровой много лет держал несколько энергетических предприятий на плаву в те периоды, когда владельцы по привычке считали, что старинная фамилия заменяет систему управления. Трижды отбивал попытки расторгнуть контракт в одностороннем порядке. Дважды сам увольнял людей с хорошими связями, когда те начинали использовать предприятие как личный кошелёк.

— Неприятный тип для шантажа, — заметил Егор.

— И приятный для переговоров. Он понимает цену подписи.

— Ты действительно рассчитываешь на добровольное сотрудничество?

— Добровольность — странное слово для человека, который получит список возможных обвинений вместе с коммерческой претензией. Но убивать его глупо. На его место придёт кто-то другой, а нам нужна не вакансия.

Громова добавила к справке собственные замечания. Два года назад компания Ярового без лишних споров вернула крупному промышленному заказчику оплату за недопоставленную энергию. Не по решению суда. По результатам внутреннего аудита. Значит, управляющий предпочитал небольшую потерю денег громкому разбирательству.

— Он не любит позора, — сказала Софья Николаевна. — Не потому, что боится чужого мнения. Репутация — его инструмент. Без неё он потеряет допуски и доверие кредиторов. Это реальнее любого страха перед вашим источником.

Я просмотрел её записи.

— Значит, не угрожаем. Предлагаем ему выбрать, как именно он хочет сохранить репутацию.

— И не упоминаем о лабораториях до тех пор, пока он не поймёт, что мы знаем о них больше слухов.

— Есть ещё что-нибудь?

Громова показала фамилию руководителя службы внутреннего контроля.

— Сотрудница, которая подписывала часть спорных счетов, вчера подала заявление об отпуске. Сегодня её пропуск отключили досрочно. Это не обязательно связано с нашими документами, но я бы обратила внимание.

— Кто отключил?

— Центральная служба. Не Яровой лично.

Я запомнил фамилию. Не собирался сейчас искать женщину и спасать от всех неприятностей мира. Но наличие людей, которым требовалось срочно исчезнуть, означало, что в компании уже началась работа по зачистке следов. Слишком рано для нашего визита.

Впрочем, сходство подписи в реестрах ещё не означало, что Яровой спокойно принесёт нам ключи от чужой лаборатории. Человек с таким допуском прожил достаточно долго, чтобы научиться отличать переговоры от нападения. Даже если собеседник пришёл в костюме и принёс хорошо оформленную папку.

Я попросил Громову подготовить ещё одну проверку. Не по самому управляющему, а по его заместителям. Человек может обмануть следователя, скрыть платёж, заменить директора подставной фирмы. Но не может запретить нескольким десяткам сотрудников каждый день делать привычную работу. Кто-то оплачивает охрану, кто-то подписывает командировочные, кто-то распоряжается резервным генератором. Именно там обычно начинается настоящая биография хорошей тайны.

Ирина прислала список личной охраны Ярового. Двое бывших военных, один маг с лицензией на сопровождение грузов высокого класса, водитель, который последние восемь месяцев постоянно менял служебные автомобили. Все достаточно профессиональны, чтобы не бросаться на человека только потому, что тот внезапно показался подозрительным.

— Убирать их не надо, — сказал я Тихому по защищённой связи. — Мне нужен маршрут управляющего после работы. И отдельно — кто появляется возле его дома, когда там нет самого хозяина.

— Думаешь, к нему уже пришли?

— Думаю, любой человек, имеющий доступ к миллиардам и секретным установкам, давно кому-нибудь мешает. Вопрос только в том, кому именно.

К обеду у нас оказались первые сведения. Яровой не ночевал дома три дня. Не ездил к любовнице, не прятался на даче, не совершал таинственных путешествий. Просто оставался в гостинице рядом со служебным комплексом. Встречался с людьми из внутреннего контроля. Причём каждый раз приходил не он к ним, а они к нему. Положение интересное. Тот, кто хочет скрыться от незнакомцев, выбирает место безопаснее. Тот, кто ждёт неприятностей от собственного работодателя, предпочитает оставаться поближе к официальным свидетелям.

Громова подтвердила догадку документами. Управляющему выставили служебную претензию за превышение лимита резервных мощностей. Подпись на претензии принадлежала человеку, который сам санкционировал дополнительные расходы. Юридически аккуратная попытка заранее назначить ответственного за будущую аварию.

— В суде такое можно развалить, — сказала Софья Николаевна.

— Только если он доживёт до суда.

— Не нравится мне, как спокойно вы это произносите.

— Тогда мне придётся научиться говорить о трупах с выражением большого удивления.

Она перевернула ещё одну страницу. Там значилось, что претензию можно оспорить при наличии оригинального графика закрытых потребителей. И именно тот график, который нам был нужен, Яровой не имел права передавать посторонним. Красиво. Его поставили перед выбором между возможным обвинением и нарушением государственной тайны. Кто-то умел создавать неприятности без единого выстрела.

Я предложил третий вариант. Наши юристы могли доказать, что спорный объём энергии зашёл в промышленный тариф «Ильин-Теха», хотя предприятие его никогда не потребляло. Это давало нам право требовать расследования по хозяйственному договору. Не секретных военных материалов — обычной сверки счётчиков и подписи того, кто допустил ошибку.

— Если он поймёт, что мы ищем не деньги, — заметила Громова, — может потребовать официальных гарантий.

— Дадим. Настолько официальных, что его собственной службе безопасности станет неловко их нарушать.

Вечером пришло сообщение Тихого. Яровой встретился с неким человеком в неприметной куртке. Не пожимали руки, не садились за один стол. Собеседник передал обычный бумажный конверт, а через пять минут управляющий вышел из гостиницы через служебный вход. Два охранника сопровождали его уже с оружием наготове.

Я посмотрел на снимок лица курьера. Изображение оказалось плохим, но манера держать плечи, дистанция до двери и привычка проверять отражения в стёклах говорили больше, чем качество фотографии. Так ходят не бухгалтеры.

— Не трогать, — сказал я Тихому. — И не приближаться к гостинице. Кто-то решил немного ускорить переговоры. Позволим ему ошибиться первым.

Утром Яровой подтвердил встречу с «Ильин-Техом». Его секретарь отдельно уточнила, будет ли присутствовать наш независимый юрист. Видимо, управляющий хотел свидетелей не меньше нас.

Отлично. Два осторожных человека могли договориться значительно быстрее, чем два идиота, которые считают осторожность признаком слабости.

Следовательно, кто-то ещё задавал вопросы.

* * *

Офис «Каскад-Ресурс» занимал три этажа здания, принадлежавшего крупному дворянскому дому. На входе не было ни гербов высотой с человека, ни бронзовых статуй хозяина. Только чистый камень, закрытые рамки досмотра и охрана, которая умела не смотреть на посетителей слишком долго.

Мой паспорт проверяли дважды. Магический источник считывали на стандартной гражданской частоте. Прибор показал третью ступень и равнодушно погас.

Очень удобная железка. Надо будет подарить такую всем людям, которые хотят недооценивать меня заранее.

Софью Николаевну пропустили без замечаний. Её знали. По крайней мере, фамилию и подпись в договорах.

В переговорной нас встретил Николай Юрьевич Яровой — мужчина чуть старше пятидесяти, сухой, аккуратно одетый. Седые волосы зачесаны назад. На руках ни одного кольца, кроме обручального. Рядом стояли юрист и помощница с планшетом. Не демонстрировал богатство, не пытался подчеркнуть статус. По походке чувствовалось, что привычка распоряжаться людьми появилась у него задолго до нынешней должности.

— Господин Ильин, — сказал он. — Наслышан о вашем предприятии. И о некоторых обстоятельствах его развития.

— Надеюсь, хорошие обстоятельства слышали громче остальных.

— В промышленности хороший результат всегда звучит громче объяснений.

Он предложил сесть. У дверей остались два охранника. Третьего я почувствовал за перегородкой, рядом с технической комнатой. Серьёзная безопасность. Не напоказ.

Громова начала разговор сама. Перечислила условия договора, точную величину повышения и отсутствие корректного основания для использования резервных мощностей. Говорила сухо и уверенно. Никаких требований раскрыть государственные секреты, никаких обвинений в преступлении.

Яровой внимательно слушал, не перебивая. Потом взял у помощницы электронную копию уведомления.

— Решение подписано по государственному тарифному предписанию, — сказал он. — Никакого нарушения с нашей стороны нет.

— В предписании указан код «А-17/П», — ответила Громова. — Он относится к закрытому промышленному резерву, а не к гражданскому ограничению. Для наших договоров это разные основания. Мы готовы оплатить реальное повышение, но не чужой перерасход.

— Вы используете термин, который не должен фигурировать в обычной претензии.

— Его указали ваши сотрудники в официальном документе.

Пауза получилась короткой. Яровой посмотрел на помощницу. Та опустила глаза в планшет.

— Видимо, ошибка в шаблоне, — сказал он.

— Возможно, — ответила Громова. — Исправьте её с приложением расчётной записи. Тогда спор закончится.

— Ваша компания не имеет доступа к закрытым расчётам.

— И не требует его. Нам достаточно подтверждения категории расхода и финансового поручителя.

Яровой отложил планшет. Перевёл взгляд на меня.

— Господин Ильин, вы довольно молодой человек. Позвольте дать совет: не стоит превращать хозяйственный спор в проверку чужих полномочий.

— А вы не превращайте мои расходы в пожертвование неизвестным научным учреждениям.

Юрист рядом с ним чуть заметно напрягся.

Яровой ничего не сказал. Ждал продолжения.

— Мне неинтересно, сколько у вас закрытых клиентов, — произнёс я. — Мне важно, чтобы они не получали электричество за мой счёт. А если какие-то ваши клиенты забыли указать, откуда берут мощность, это уже проблема ваших лицензий.

— Вы предлагаете мне нарушить соглашение о неразглашении?

— Нет. Предлагаю выполнить договор с нашей компанией. Вы же умеете отличать одно от другого.

Он впервые посмотрел на меня без привычной вежливой улыбки. Не испугался. Оценивал, насколько глубоко мы понимаем механизм.

— Финансовый поручитель закрытого резерва вправе сохранять конфиденциальность, — сказал он.

— Конечно, — ответила Громова. — Но если он покрывает гражданский перерасход, поручительство должно быть действительным на дату начисления. Если его нет, претензия к нам незаконна. Вы можете сами внести корректировку и закрыть вопрос.

Теперь Яровой понял ловушку.

Если он откажется исправить счёт, придётся подтвердить существование чужого резерва. Если исправит — покажет, что резерв действительно использовали не по назначению. Для обычной компании это грозило проверкой. Для компании с закрытыми государственными контрактами — несколькими годами неприятных бесед с людьми, которые умеют читать бухгалтерию.

— Господин Ильин, — произнёс он, — можно без представителей юридических отделов?

Громова посмотрела на меня. Я слегка кивнул.

Помощница и юрист вышли. Охранники остались за дверью. Софья Николаевна никуда не ушла. Яровой на это не возражал.

— Вы не ради тарифа приехали, — сказал он.

— Разумеется. Но деньги всё равно вернёте.

Яровой помолчал.

— Вы ищете программу, о которой мне известно меньше, чем хотелось бы людям, задающим подобные вопросы.

— Вам известно достаточно, чтобы подписывать её подключения.

— Я подписываю мощность. Не лабораторные опыты. Кто-то из моих контрагентов ведёт закрытый исследовательский проект. Его допуски подтверждены министерством. Я не имею права знать содержание.

— А деньги?

— Деньги я вижу. И суммы не похожи на обычный научный бюджет. Именно поэтому год назад потребовал двойного поручительства. Мне предоставили его через две независимые организации.

— Названия?

— Закрыты соглашением.

Я усмехнулся.

— Сколько раз тебе уже предлагали за это молчание?

Его лицо не изменилось.

— Я не продаю государственные лицензии на рынке, Ильин. Если бы продавал, не сидел бы сейчас перед вами.

Вероятно, он не врал. По крайней мере, в этой части. Люди его уровня не нуждались в сомнительной взятке, когда могли получать вполне законные суммы за услуги с красивым названием.

— Твой подрядчик украл людей из закрытых медицинских учреждений, — сказал я. — Часть погибла. Потом разработал искусственные источники и попытался навязать чужой личности управляющий приоритет. Я уничтожил несколько объектов. Он продолжает работать через ваши окна.

Яровой слушал неподвижно.

— Откуда у вас такие сведения?

— Из их же журналов.

— Вы можете доказать?

Я положил на стол одну страницу, где фамилия главного научного руководителя соседствовала с отметкой о медицинском носителе. Никаких данных о ДИ-0, которые Яровому видеть было незачем. Только то, что могло изменить стоимость его молчания.

Он прочитал. Затем попросил вторую страницу. Я не дал.

— Если здесь правда, — сказал Яровой, — я уже стал участником их работы, даже не зная этого.

— Именно.

— Вы угрожаете?

— Объясняю, почему лучше вовремя открыть дверь, чем стоять за ней, когда я начну её ломать.

Яровой слегка прикрыл глаза. Думал. Хорошо.

— Я могу выдать вам только то, что принадлежит нашему контракту, — произнёс он наконец. — Действительные параметры перерасхода, время подтверждения и тип расчётной операции. Имён других получателей не будет.

— Меня устроит.

— При условии, что «Ильин-Тех» не станет публиковать эти данные и не привлечёт мою компанию к разбирательству без доказанного нарушения договора.

Громова достала подготовленную бумагу.

— Соглашение о конфиденциальном урегулировании. В пределах нашего контракта. Ни одним словом не лишает нас права сообщить о преступлении.

Яровой посмотрел на неё с неожиданным уважением.

— Вы действительно подготовились.

— Я не люблю ездить на встречи дважды.

Впервые за разговор управляющий улыбнулся искренне.

Он вызвал помощницу. Та принесла физический реестр согласования — компактный блок с механическим ключом и журналом контрольных отметок. Не государственную базу и не архив исследований. Лишь его собственную часть операции.

Яровой вставил карту, подтвердил полномочия. На экране появилась последовательность разрешений по коду «А-17/П». Даты, величины нагрузки, точные интервалы, два признака назначения. Под графой получателя стояли обезличенные идентификаторы.

Громова получила заверенную выписку.

Дальше Яровой оказался неожиданно полезен именно тем, что не стремился понравиться. Он не обещал помочь и не изображал раскаяния. Открыл внутренний график и стал последовательно объяснять, где заканчиваются его полномочия. Такое поведение мне нравилось. Оно позволяло отличить действительно опасного противника от человека, который просто не хочет лишиться работы из-за чужих преступлений.

— Я не могу показать вам закрытое приложение, — сказал он. — Но могу подтвердить, какой расчётный объект получал энергию. И могу потребовать повторной сверки, если основание для поставки оказалось ложным.

— Сколько времени займёт сверка?

— По регламенту — двадцать дней.

— По вашему настоящему регламенту?

— Если есть официальный повод, два часа. Но этот повод придётся оформить под подпись.

Громова сразу положила на стол готовую претензию по нашему тарифу. В ней не было ни слова о «НУЛЕ». Только сумма, дата, расход, подпись и просьба объяснить, почему предприятие платит за мощность, которую физически не получало. Яровой прочитал документ дважды. Затем попросил помощницу сверить подписи с архивом.

— Если я начну проверку, — произнёс он, — вы понимаете, что сюда придут государственные инспекторы?

— Прекрасно. У вас будут свидетели. У меня — документы. Всем выгодно.

— Не всем. Люди, которые оформили эти поставки, не любят свидетелей.

— Я тоже не люблю некоторых людей. Но это пока не повод отказываться от хорошего бухгалтерского учёта.

Он устало посмотрел на меня. Пожалуй, понял, что за внешней наглостью находится человек, который действительно готов воспользоваться всеми законными способами, прежде чем перейти к остальным. И это не делало остальные способы менее реальными.

Яровой подписал разрешение на сверку. Не отдал нам ключи и не назвал секретный адрес. Просто открыл доступ к тому фрагменту системы, который ему позволяли собственные полномочия. Для нашей задачи этого было достаточно.

На выходе я заметил, как его охранник проверил коридор прежде, чем управляющий вышел из переговорной. Тот же человек за встречу ни разу не посмотрел на меня с вызовом. Он выполнял работу, а не устраивал соревнование по длине родословной. Хорошая профессиональная привычка. Неприятности такие люди доставляют реже, зато при необходимости делают это гораздо грамотнее.

Я успел заметить другое: одна операция содержала два подтверждения с разницей меньше секунды. Обычный резерв не требовал двойной подписи в таком коротком интервале. Второй подписью подтверждали уже подготовленную пространственную геометрию.

— Почему две? — спросил я.

Яровой не стал изображать непонимание.

— Первая подтверждает наличие мощности. Вторая — возможность физически подключить потребителя. Последняя поступает от выездного технического контролёра.

— Где работает контролёр?

— На объекте подключения. Его местоположение не входит в мой реестр.

— Зато номер акта входит.

Он посмотрел на экран и медленно кивнул.

— Да. Если у вас есть другой акт того же контролёра, можно сопоставить его с нашим.

Вот и всё. Не тайный пароль, не внезапная исповедь. Номер документа, который сможет увидеть тот, кто заранее знает, что искать.

— Отправьте нам выписку через защищённый канал, — сказала Громова. — И корректировку тарифа.

— Подпишу до вечера.

Я поднялся.

— Спасибо за конструктивный разговор, Николай Юрьевич.

— Господин Ильин, — остановил он меня, — если действительно собираетесь пресечь работу этих людей, не превращайте моих сотрудников в заложников ваших методов.

Я посмотрел на него.

— Если они не пытаются меня убить, у нас с ними нет никаких общих вопросов.

Он не выглядел полностью успокоенным. И правильно.

* * *

После ухода гостей Яровой долго смотрел на бумаги. Его помощница, Валерия Антипова, закрыла дверь в переговорную и положила рядом список служебных сообщений.

— Из закрытого отдела уже дважды спрашивали, выдавали ли мы сторонним лицам выписку по «А-17/П», — сказала она.

— И что вы ответили?

— Пока ничего. Внутренний регламент даёт час на регистрацию заявления.

Он кивнул.

— Зарегистрируйте. Укажите: выписка выдана действующему контрагенту в пределах собственного договора. Сослаться на пункт семь и решение тарифной комиссии.

— Нам будут задавать вопросы, Николай Юрьевич.

— Впервые за годы работы? Не переживу.

Антипова не улыбнулась. Она знала, как выглядит управляющий, когда шутит. Сейчас он пытался не показывать раздражения.

— Вы верите Ильину? — спросила она.

— Верю в документы, которые он не стал оставлять на столе. Если человек лжёт, обычно он хочет, чтобы его красивую бумагу прочитали все. Этот показал ровно столько, чтобы я понял масштаб проблемы, и забрал остальное. Значит, настоящие доказательства у него имеются.

— Тогда нам нужно остановить закрытые согласования.

— Нет. Отменить их сейчас значит признать, что мы знаем больше, чем должны. Кроме того, юридически у нас нет права останавливать подтверждённый государственный резерв только по заявлению стороннего лица.

— А если там действительно преступление?

Яровой посмотрел на неё.

— Тогда пусть расследуют те, кто имеет полномочия. Наше дело — не прятать счета и не подписывать заведомо ложные показания. Вся переписка с сегодняшнего дня только через реестр. Ни одной устной договорённости.

Антипова кивнула, собирая бумаги.

— И ещё, — добавил Яровой. — Внутреннего контролёра, которой отключили допуск, найдите. Без охраны из закрытого отдела. Если ей нужна помощь, пусть сначала поговорит с нашим адвокатом.

Помощница удивлённо подняла глаза.

— Вы опасаетесь за неё?

— Опасаюсь за компанию, где сотрудники исчезают раньше, чем успевают передать дела. Очень плохой управленческий признак.

Оставшись один, Яровой некоторое время смотрел на карту энергетических резервов.

Он прекрасно представлял себе людей, которым сегодня подписывал окна. Дорогая техника, осторожные переговорщики, недопустимо большие суммы. И ещё представлял себе Ильина: молодого человека с третьей ступенью по прибору, который говорил о государственных лицензиях так, будто уже видел их обратную сторону.

Яровой решил не выяснять, кто из них опаснее.

Пускай сначала покажут собственные подписи.

* * *

По дороге назад Громова проверила электронную выписку. Документ был подлинным: подпись Ярового верифицировалась, расчётные операции сходились с претензией, а начисления уже готовились исправлять.

— Получили больше, чем просили, — сказала она.

— Мы просили вернуть деньги. Их ещё нет.

— Будут.

— Тогда удачный день.

Её телефон завибрировал. На экране появилось сообщение от юриста. Через действующий пункт договора один из контрагентов «Каскад-Ресурс» попытался срочно потребовать неразглашения технической выписки.

— Быстро, — заметила Громова.

— Значит, кому-то уже рассказали.

— Внутренний юридический отдел обязан регистрировать подобные обращения. Утаить его невозможно.

— И не надо. Пусть знают, что мы добрались до подписей. Будут спешить — начнут ошибаться.

Я отправил скан Егору. Через три минуты он позвонил.

— Есть совпадение. Сорок семь секунд до второго подтверждения из твоей выписки точно соответствуют запуску резервного контура в одной из трёх оставшихся зон.

— Какая?

— Западный промышленный пояс. Старый стекольный комбинат. Он давно не выпускает стекло, но за месяц получил три новые группы охраны и ремонтную бригаду для пространственных креплений.

— Адрес знаешь?

— Адрес знает половина области. Вопрос, что находится за обычным зданием.

Я подумал о словах Ярового. Физический контролёр. Номер акта. Человек должен находиться рядом с подключением, чтобы подписать вторую половину операции.

— Марина может найти другие его акты?

— Уже ищет. Если он не сменил личный знак в системе, найдём.

— Работайте. Я буду в академии.

— Серьёзно?

— У меня учёба, Егор. По законам Империи недостаточно убить несколько сотен идиотов, чтобы получить диплом.

Он усмехнулся.

Я убрал телефон.

Половину задачи выполнили без единого выстрела. Было даже немного непривычно.

В первой же пробке я заметил за нами серый седан. Ничего подозрительного само по себе. Машина стояла в соседней полосе и ничем не выделялась среди остальных. Но водитель дважды начал перестраиваться одновременно со мной, хотя его полоса шла быстрее.

Я оставил её в поле зрения.

— Что-то не так? — спросила Громова.

— Возможно, за нами едут.

Она не стала оглядываться.

— Охрана Ярового?

— Не думаю. Его люди работали бы аккуратнее. Эти либо торопятся, либо хотят, чтобы их заметили.

На следующем перекрёстке я ушёл направо, затем сразу свернул во двор. Седан проехал мимо. Через три секунды остановился, дал задний ход и начал разворачиваться.

Профессионал на такое не пошёл бы.

Я остановил машину у закрытой мастерской и вышел. Седан встал через двадцать метров. Двое мужчин сидели внутри, третий находился на пассажирском месте с телефоном. Увидев меня, водитель выключил двигатель.

Подошёл к стеклу.

— Здравствуйте, — сказал я. — Кому вы сегодня сдаёте отчёт?

Мужчина за рулём посмотрел на напарника.

— Не понимаю.

— Тогда объясню. Вы трижды повторили мой маршрут, а потом стали сдавать назад на перекрёстке, где это запрещено. Либо очень хотите посмотреть на наше предприятие, либо вам платят за наблюдение. Я бы предпочёл второе: в первом случае придётся объяснять, где у вас голова.

Пассажир потянулся к поясу. Я перехватил движение воздушной связкой ещё до того, как он добрался до куртки. Пистолет застрял в кобуре. Мужчина удивлённо дёрнулся. Не понимал, почему собственная рука больше не может подняться.

— Вот именно этого не надо, — сказал я.

Водитель сглотнул.

— Мы частная служба. У нас заказ проверить маршрут господина Ильина. Без контакта.

— Заказчик?

— Не говорят. Через диспетчера.

— Название фирмы.

Он назвал. Я запомнил, сфотографировал номер пропуска и отпустил пассажиру руку. Тот резко отдёрнул пальцы от оружия, словно кобура стала горячей.

— Передай диспетчеру, что повторной встречи не хочу. Если потребуется узнать, куда я езжу, пускай спрашивают меня лично.

Они не ответили. Машина тронулась, когда я отошёл к своему автомобилю.

Громова смотрела на меня спокойно.

— Вам часто приходится разговаривать с людьми таким способом?

— Гораздо реже, чем они заслуживают.

— Надеюсь, их не придётся включать в наш юридический спор.

— Нет. Эти хотя бы поняли слова с первого раза.

Мы выехали на главную дорогу. Через минуту я отправил Егору номер фирмы. Если кто-то из закрытого отдела попытался отследить меня после переговоров, у него теперь осталось не только дело о моём маршруте, но и очень неприятное понимание собственного уровня подготовки.

От отчёта наблюдателей мне было мало пользы. Зато полезно знать, кто начал проявлять интерес к нашей машине ещё до того, как Яровой подписал выписку.

К ужину я приехал вовремя. Для меня это уже было достижением, за которое можно было требовать отдельную награду.

Влада сидела у окна небольшого ресторана и листала меню. Когда я подошёл, она сначала посмотрела на куртку, потом на руки.

— Чистый, — заметила она. — Прогресс.

— Даже ботинки помыл.

— Не испорти впечатление подробностями.

Она заказала ужин заранее, так что официант принёс еду почти сразу. Я не возражал. В последнее время хорошие вечера становились редкой роскошью, и тратить их на обсуждение цен в меню не хотелось.

Влада рассказывала о своей работе, о неожиданной проверке в одном из столичных учреждений и о знакомом дворянине, который был глубоко убеждён, что фамилия освобождает его от соблюдения договоров. Я слушал, иногда задавал вопросы. Большая часть этих историй не имела отношения к чужим источникам, преступным программам и пространственным переходам.

Поэтому и нравилась.

— А ты? — спросила она, когда официант принёс кофе. — Чем занят?

— Договариваюсь с людьми, которые забыли, что договор должен работать в обе стороны.

— Звучит подозрительно мирно.

— Сегодня никто не умер.

Она подняла бровь.

— Мне надо поздравить тебя или Москву?

— Пока не знаю. День ещё не закончился.

Влада отложила чашку.

— Ты когда-нибудь сможешь просто сказать, что у тебя тяжёлая неделя?

— Нет. Тяжёлой она становится у других.

Она посмотрела на меня немного дольше обычного. Не с жалостью. Скорее пыталась понять, насколько далеко можно зайти с человеком, который всерьёз произносит подобные вещи.

— Тогда хотя бы не исчезай на неделю без сообщения.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Ближе к обещанию у меня сегодня ничего нет.

Она неожиданно улыбнулась.

— Ладно. Я умею пользоваться тем, что дают.

Мы закончили ужин без разговоров о будущем. Никто не требовал объяснять, почему я не хочу становиться правильным человеком, и никто не пытался открыть во мне душу, которую нужно срочно исправить. Для хорошего вечера этого оказалось вполне достаточно.

Когда вышел на улицу, Егор уже успел отправить новый номер акта. Я посмотрел на сообщение, запомнил отметку и убрал телефон. На сегодня его работа могла подождать до утра.

* * *

Сперанская получила отчёт от снабжения в тот момент, когда Крамарова готовила резервный сердечник.

— Яровой выдал выписку по гражданскому контракту, — сообщил начальник логистики. — Подписал конфиденциальное соглашение с «Ильин-Техом». Формально закон не нарушен.

— Что увидел Ильин?

— Точное время внешних подтверждений. Без географии. Без имени технического контролёра.

— И номер акта?

Начальник логистики замолчал.

Вера поняла ответ по его лицу.

— Номер есть во всех финансовых выписках, — сказал он. — Убрать нельзя без нарушения государственного шаблона.

— Значит, он найдёт контролёра.

— Мы можем сменить его и отменить окно.

— Можем. Потеряем двое суток, два комплекта оборудования и возможность закончить закрепление до пересборки остальных модулей. Нет.

Она открыла схему будущего комплекса. Внешний контролёр действительно находился у старого стекольного комбината. Но оттуда в рабочую область вёл только один предварительный переход. Главную камеру соединяли последней, с противоположной стороны энергетической структуры.

— Не отменяйте, — решила Сперанская. — Измените порядок подтверждения. Сначала соберите вспомогательные модули, затем контролёр откроет гражданский сегмент. Главный сердечник подключите после закрытия внешних разрешений.

— Ильин может пройти вслед за контролёром.

— Пусть увидит наружный блок. Там нет причин с ним воевать. Персоналу приказать не вступать в конфликт и продолжать работу, пока это безопасно.

— Это риск.

— Риск меньше, чем попытка остановить его подразделением охраны. Вы что, не читали отчёты Руднева?

Начальник логистики опустил глаза.

— Прочитал.

— Тогда работайте. Нам нужны не трупы, а законченная матрица.

После его ухода Крамарова спросила:

— Вы действительно позволите Ильину войти?

— Если он найдёт точку. Но рабочее ядро он увидит только тогда, когда мы сами решим соединить его с наружным контуром.

Сперанская посмотрела на новый сердечник. От него по стенду шёл ровный ритм, почти неотличимый от естественного магического источника.

— А если мы успеем раньше, — сказала она, — его присутствие перестанет иметь значение.

Глава 3. Не чужая работа

Александра Воронцова выбирала контракты по трём причинам: размер оплаты, сложность и вероятность того, что заказчик окажется большим идиотом, чем цель.

Последний пункт нередко был важнее первых двух.

Климов прислал три предложения. Первое — устранение управляющего небольшого дворянского рода, задолжавшего партнёрам приличную сумму. Второе — военный специалист, который украл у собственного подразделения разработки для продажи за границу. Третье — Илья Корнев, владелец закрытой портовой логистики, через которую проходили грузы с сомнительными документами.

В обычных обстоятельствах она выбрала бы военного. Интереснее. Но за третьим стояла деталь, отсутствовавшая в общей справке: месяц назад Корнев приобрёл защитную систему с индексом «СГЛ-9». Этот же индекс Борис обнаружил в украденной кассете согласователя.

Значит, работа могла принести не только деньги.

Она позвонила Климову.

— Корнев.

— Ты уверена? У него довольно неприятная охрана.

— Плачу ей не я.

— Заказчик не требует никакой театральности. Подтверждение личности и смерти, остальное на твоё усмотрение.

— А откуда у него заказ?

— Не знаю. Через посредника из портового сектора. Деньги чистые в том смысле, в каком они вообще бывают чистыми у наших клиентов.

— Дай условия.

— Уже отправил.

Она открыла пакет. Цель — Корнев, полный возраст, три недавних фотографии, схема смены охраны и отдельный пункт: устранение только самого владельца, без разглашения его коммерческой документации. Интересный пункт. Похоже, заказчик опасался, что вместе с Корневым наружу вылезет история собственных сделок.

Александра убрала телефон.

Никто не запрещал ей забрать то, что понадобится для собственного интереса. В договоре об этом не было ни слова.

* * *

Борис собрал новый стенд из двух независимых подавителей и одного настоящего армейского накопителя. На вид он напоминал предмет, который безопаснее всего продавать на металлолом после предварительного взрыва.

— Двадцать секунд держим три потока, — сказал инженер. — Затем четвёртый попытается изменить главный приоритет. Если почувствуете обратную связь, не перебивайте первую команду. Вторая должна её остановить.

— Проверяли без меня?

— На автоматике — да. Но автоматика принимает решения по заранее прописанным условиям. У вас всё сложнее.

Александра положила ладони на контакты. Сначала появилось обычное сопротивление, едва заметное, как давление прохладной воды. Три потока отвечали на её подавление по-разному: один держался жёстко, другой постоянно менял фазу, третий делал вид, что уже погас, хотя через него продолжала идти энергия.

На шестнадцатой секунде четвёртый поток ударил по главному управляющему контуру.

Не в щит. Не в кожу. В саму последовательность решений: будто кто-то пытался поменять порядок действий, которые она уже собиралась совершить.

Александра не стала сопротивляться напрямую. Позволила первой связке признать чужую команду, но оставила исполнение зависеть от второго независимого подтверждения.

Вмешательство осталось висеть в пустоте.

На двадцать первой секунде стенд изменил направление. Пытаясь обойти второй контур, ударил по третьему. Александра перевела часть давления в неподвижную каменную опору, откуда система не могла получить правильный отклик. Продержалась ещё двенадцать секунд.

Потом обрубила всё сама.

Борис посмотрел на экран.

— Тридцать три секунды. Лучше прежнего.

— Хуже нужного.

— Вы удерживали три независимых потока и одновременно обманывали согласователь. Это не рядовое подавление.

— Вот когда смогу сделать так же, не стоя посреди комнаты с закрытыми глазами, поговорим.

Она сняла браслеты. Правая кисть немного ныла. Не от повреждения, а от напряжения: удерживать разные решения одновременно было сложнее, чем обрушивать на противника одно мощное подавление.

Борис открыл снимок корпуса, который Александра принесла из последнего заказа. На нём уже сняли внешнюю крышку. Внутри обнаружилась необычная часть: спиральная рамка с четырьмя изолированными контактами.

— Это вообще не охранный подавитель, — сказал инженер. — Вернее, не только он. Система рассчитана на стабильную связь между несколькими пространственными опорами. Она определяет, какая из них сейчас главная, а какие обязаны подстраиваться.

— Это плохо?

— Для того, кто хочет закрыть переход, — очень. Он отрежет одну опору, а остальные мгновенно восстановят геометрию. Пока не научимся подавлять несколько вместе.

— Значит, научимся.

Борис некоторое время рассматривал её. Не впервые. За время работы он уже привык к тому, что слова «невозможно» Александра воспринимает как указание на плохо подготовленное задание.

— Я не говорил, что это просто, — заметил он.

— Я тоже.

Александра не собиралась ехать по указанному адресу немедленно. Указанный адрес — это не информация о цели. Это информация о том, куда кто-то желает направить исполнителя. Разница обычно измеряется количеством людей, которые заранее заняли удобные позиции для стрельбы.

Она начала с наблюдения. Старая транспортная площадка находилась возле товарной станции, где за сутки проходили десятки грузовиков. Днём машины стояли в три ряда, водители спорили с охраной из-за талонов на разгрузку, а дежурный маг каждые два часа проверял защитные печати. Ночью движение становилось реже. Но именно тогда открывали отдельные ворота без электронного учёта. Пломбы ставили вручную. Один и тот же грузчик дважды за смену проходил туда с пустой тележкой, выходил уже без неё.

Александра сняла режим с безопасной дистанции, не пытаясь проникать внутрь. Сначала выяснила, кто контролирует внешний периметр. Затем — какие посты видят друг друга. Последними проверила пути отхода. Если человек заранее знает лишь дорогу к цели, он подготовился ровно наполовину.

Борис прислал расчёт подавления на её обычный браслет. Новые датчики реагировали не на силу входящего потока, а на попытку изменить очередность команд. Это объясняло, почему часть прежних приёмов работала нестабильно. Устройство не сопротивлялось магии, оно делало вид, что магия уже получила приказ от другой системы.

— Можем сделать приманку? — спросила она.

— Простую — да. Если положить на дверь два ложных управляющих канала, согласователь начнёт проверять, какой главный. Тебе хватит нескольких секунд.

— Секунд для чего?

— Чтобы выключить его питание, как нормальный человек.

— Нормальные люди обычно занимаются чем-нибудь менее оплачиваемым.

Он вздохнул. Александра выключила связь. Ей требовался не полный технический курс, а возможность пережить первое столкновение с неизвестным прибором. Остальное она предпочитала изучать на рабочем образце.

Вторые сутки наблюдения принесли интересную деталь. На станцию приехал полковник охранного управления. По документам — с инспекцией. Вместо проверки ограждений он направился в маленькое здание диспетчерской. Из него вышел через восемь минут и сразу сел в машину. После этого начальник ночной смены приказал выгнать с площадки всех подрядчиков без постоянного допуска.

Значит, важный груз действительно готовили. Не обязательно тот, что интересовал Александру. Но достаточно ценный, чтобы хозяева предпочли потерять деньги на простой вместо привычной беспечности.

Ей позвонил заказчик. Не напрямую: посредник Климова передал просьбу подтвердить сроки.

— После завершения, — ответила она.

— Клиенту нужен ориентир.

— Клиенту нужна смерть Корнева. Это и будет ориентир.

Она завершила разговор. Не любила, когда посторонние пытались установить расписание для её работы. Особенно те, кто заплатил лишь за результат, а не за право командовать.

К концу третьей ночи наблюдение перестало приносить новое. Александра выбрала путь через технический тоннель, который охрана ошибочно считала закрытым. Проход действительно заварили. Но сварной шов обновили лишь снаружи, оставив старый крепёж на внутренней раме. Достаточно было снять две пластины и отвести секцию без шума. Не магия. Обычная механика, которой многие слишком сильные люди пренебрегают.

Внутри она обнаружила не один охранный контур, а два. Первый реагировал на движение. Второй — на изменение давления на полу. Система могла выдержать попытку подавления одного канала, потому что при отказе автоматически включала другой. Александра не стала бороться с устройством. Нашла место, где два контура сходились на одном аварийном питании, и подала туда ложный сигнал о перегреве. Защита сама открыла служебный проход: правила безопасности имели приоритет над правилами допуска.

Человек, придумавший такой порядок, скорее всего, не был идиотом. Он просто рассчитывал на пожар, а не на человека, умеющего читать эксплуатационные инструкции.

У двери диспетчерской оказались двое охранников. Один сидел с планшетом, другой проверял бумажный журнал. Александра миновала их в тот момент, когда дежурный открыл боковую створку для внутреннего курьера. Никаких выстрелов. Несколько секунд, на которые она заставила их внимание задержаться на ложном шуме за стеной.

Нужная фамилия стояла в журнале в строке последнего ночного допуска. Корнев ожидался через сорок минут. Александра не стала устраивать засаду прямо у двери, где его наверняка встретят. Вместо этого нашла комнату, из которой выходило два технических коридора, и проверила, насколько быстро можно попасть из одного в другой.

Рабочее место подготовлено. Теперь оставалось дождаться человека, ради которого всё это затевалось.

* * *

Портовой комплекс Корнева занимал несколько складов на левом берегу. С одной стороны к ним подходила железная дорога, с другой — огороженная автомобильная стоянка. По документам здесь хранили промышленную аппаратуру и медицинские приборы. На деле груз приходил в закрытых контейнерах и покидал территорию быстрее, чем таможенные службы успевали закрыть предыдущую смену.

На подготовку Александра отвела двое суток. Корнев ежедневно сам проверял разгрузочные акты, а его охрана делилась на независимые группы. Каждая не знала маршрута другой, зато командный пункт видел их все. Здание защищали не от случайного грабителя, а от человека, который умеет обходить обычную сигнализацию.

Слишком дорогая система для склада медицинских накопителей. Но Корнев её поставил.

В первый вечер она не подходила ближе двух кварталов к порту. Села в маленьком кафе напротив служебного выезда и три часа смотрела, кто туда приезжает. Днём грузовые машины шли почти без остановки. Ближе к полуночи движение становилось реже, зато менялся характер охраны: появились люди в одинаковой тёмной форме, каждый с собственным магическим источником.

Александра отметила номера автомобилей, смены и направления, в которых дозорные смотрели на подходы. Никто из них не интересовался женщиной, пьющей кофе у окна. Такие места переполнены людьми, которые пытаются скоротать время до следующего рейса.

Во второй вечер проверила соседнее здание. Там была крытая стоянка, куда водители оставляли машины на ночь. С пятого уровня можно было видеть крышу служебного блока и участок стеклянного перехода, соединявшего склады с главным офисом. Два раза за час по переходу прошли патрули. Один маг постоянно держал слабую защиту на лестнице. Зато окна в техническом этаже оставались без прямого наблюдения.

Подобную ошибку часто делали люди, которые привыкли защищать именно человека, а не пространство вокруг него. Они следили за дверью кабинета, забывая, что в современном здании есть вентиляция, кабельные шахты и лифтовое оборудование. Чтобы закрыть всё, требовались деньги и ежедневная работа. Деньги у Корнева были. На работу их явно не хватало.

Один из дозорных заметил движение на соседней крыше. Александра успела уйти за вентиляционную шахту, прежде чем направленный луч добрался до её места. Человек постоял несколько секунд и вернулся к обходу.

Она не стала подходить ближе. На следующий день повторила маршрут с другого направления. Иногда полезнее убедиться, что охранник не заметил тебя случайно, чем торопиться использовать первую найденную дыру.

В полночь Корнев вышел на служебную площадку. Не курил. Просто стоял с планшетом, просматривая записи охраны. Рядом с ним находился худой мужчина в сером костюме, несущий закрытый чемодан. Он передал владельцу какой-то документ, выслушал короткую команду и ушёл обратно внутрь.

Александра увеличила фотографию. На чемодане была наклейка с четырьмя буквами, совпадавшими с последней партией оборудования у Бориса.

Значит, всё сходилось.

Ночью она вернулась в мастерскую, показала инженеру снимок и попросила проверить, какие датчики могли стоять в техническом коридоре.

— Давление, — сказал Борис. — И небольшие направленные считыватели. Если они экономили, там будут самые дешёвые модели, чувствительные к общему потоку воздуха, а не к отдельному движению человека.

— Обойти можно?

— Если точно знаете расположение. Но лучше не пытаться подавить всё сразу: центральная система отличает равномерную тишину от нормального шума вентиляции.

— Значит, оставим ей нормальный шум.

Она запомнила схему. Иногда сложная магия не требовалась. Достаточно было не мешать устройству делать то, для чего его купили.

Прежде чем лечь спать, Александра снова включила учебный стенд. Борис недовольно посмотрел на часы, но возражать не стал.

— На этот раз только два контура, — сказала она. — Один пусть атакует главный приоритет. Второй — попробует ударить в момент, когда я отвлекаюсь на внешний объект.

— Внешний объект какой?

Она положила на стол маленький металлический цилиндр и связала его с собственной защитой.

— Вот этот. Буду держать его от перемещения, а ты заставляй согласователь выбирать между мною и цилиндром.

— Мы не рассчитывали такого режима.

— Вот и посчитаем.

Первая попытка закончилась через девять секунд. Второй поток заставил её защиту признать неверную опору, и цилиндр едва не вылетел из удерживающей конструкции. Александра успела перехватить его рукой прежде, чем тот ударил в стену.

Борис выключил прибор.

— Видите? Пока вы следите за пространственным объектом, ваше собственное подавление теряет независимость.

— Заметила.

— Нужен отдельный стабилизатор, который не будет пытаться принять решение вместо вас.

— А если оставить статическую привязку к физическому месту?

— Это будет работать, пока место существует. Если окружающая геометрия изменится, привязка станет опасной.

Александра подумала о старых аномальных зонах. Там обычный камень не всегда оставался там, где его видели глаза. И именно поэтому новая задача становилась интересной: надо было удерживать не объект относительно комнаты, а само соотношение между несколькими частями пространства.

— Давай ещё раз, — сказала она.

— Завтра.

— Борис.

Инженер поднял глаза.

— Завтра. Вы через пять часов собираетесь убивать человека с хорошей охраной. Я не стану подписываться под вашей смертью от усталости.

Она посмотрела на него несколько секунд. Потом неожиданно согласилась.

— Ладно. Только не выключай запись. Завтра продолжим с того же момента.

Борис облегчённо выдохнул. Умный был человек. Иногда ему даже удавалось остаться правым.

Ночью третьего дня Александра получила временный пропуск на имя сотрудницы санитарного контроля. Настоящий, оплаченный через нужного человека. Только имя чужое. В этом городе не было необходимости взламывать каждую дверь, если можно купить утомлённого чиновника, которому лень сверять подпись на бумаге.

Внутри пахло резиной, холодной водой и кофе. На первом этаже у служебного лифта стояли двое охранников. Один проверил пропуск, второй осмотрел сумку с приборами. Александра прошла, не показав ни одного признака раздражения. Спешка в таких местах убивала чаще, чем пули.

В кабинете Корнева горел свет. За дверью находились трое: сам хозяин, помощник и маг, удерживавший защитный контур на дистанции. Ещё двое охранников стояли в соседнем помещении.

Александра не пошла прямо к двери. Сначала прошла на технический этаж, где находился шкаф внутреннего согласователя. Он обслуживал весь верхний контур здания. Через него возвращались сообщения о том, какая из защитных связок сейчас получила приоритет.

На корпусе значилось «СГЛ-9».

Тот самый индекс.

Она подключила тонкую пластину к диагностическому разъёму. Не пыталась выключить охрану. Просто подала на неё ложную нагрузку со стороны вентиляции, заставив систему на мгновение признать другой сектор более важным.

Ответ пришёл почти сразу. Согласователь попытался проникнуть в управляющую связь самой Александры. Владелец явно не экономил на настройках. Устройство не только охраняло здание, но и проверяло каждого мага, который соприкоснётся с внешним контуром.

Она позволила первому приказу войти в ложную последовательность. Второй не подтвердил исполнение. Машина замерла в споре с собственной логикой.

Один из индикаторов сменил цвет.

Дверь в технический коридор открылась.

Охранник вошёл без предупреждения. Увидел женщину у шкафа, мгновенно поднял оружие. Александра уже уходила в сторону. Пуля ударила в панель. Она перехватила его кисть, ударила локтем в горло и вогнала короткий клинок под броневую пластину. Мужчина упал на колени, попытался втянуть воздух и опрокинулся на бок.

Второй появился через несколько секунд. У него был щит, привязанный к главному контуру здания. Александра не стала его ломать. Выключила подачу со стороны согласователя и позволила парню шагнуть вперёд, уверенным в собственной защите.

В следующее мгновение щит исчез. Клинок вошёл в основание шеи.

Оставшиеся двое наверху получили тревогу. Один ушёл к лестнице, второй остался у двери Корнева. Правильно. Иначе хозяина зарежут ещё до прибытия помощи.

Александра присела у первого убитого и сняла его служебную карту. На ней был доступ к аварийному шкафу, который обычно открывали для обслуживания защитной системы. Сама карта стоила дешевле, чем два человека, погибших рядом. Но в этой профессии никто не обещал справедливых цен.

Поднялась на следующий этаж. Лестницу перекрыли узкой огненной плоскостью. Маг на площадке удерживал её издалека, одновременно готовя второй поток для удара в спину. Александра распознала связку по натяжению. Первый контур погасила короткой пластиной, второй оставила без подтверждения, сместив поток в стену.

Маг увидел ошибку и попытался исправить. Поздно.

Она прошла три ступени, ударила ножом в бедро, вывела его из равновесия и закончила ударом под челюсть. Кровь потекла по металлической лестнице. На мгновение пришлось задержаться, чтобы не поскользнуться.

У двери кабинета остался последний охранник. Он не делал глупостей. Стоял в защите, удерживая линию огня. Александра не стала проверять, кто лучше стреляет из-за угла. Подавила его щит через общий согласователь, отпустила внешнюю защиту здания и позволила системе самой решить, что ближайшая угроза — другой сектор. Охранник почувствовал исчезновение поддержки, попытался отступить внутрь.

Она достала его уже в дверях.

Корнев сидел за столом с пистолетом в руке. Помощник держал чемодан с документами. Лицо хозяина было спокойно — скорее напряжённо, чем испуганно. Он явно понял, что охрана проиграла, но не считал это концом разговора.

— Кто? — спросил он.

— Тот, кто заплатил больше тебя.

— Сколько?

— Поздно предлагать.

Корнев выстрелил. Не в Александру: в панель за её спиной. Оттуда пошёл короткий импульс согласователя, пытаясь прижать её собственный источник к зафиксированному приоритету.

Она уже знала эту последовательность. Позволила удару войти в первую связку, вторую оставила свободной и шагнула внутрь комнаты.

Корнев выстрелил ещё раз. Пуля прошла над плечом. Александра перехватила его руку, опрокинула на стол и вогнала клинок между рёбрами. Пистолет выпал. Мужчина попытался произнести что-то, но кровь забила рот.

Она закончила работу вторым коротким движением.

Помощник смотрел на происходящее, не пытаясь защищать хозяина. В руках у него всё ещё был чемодан.

— Положи, — сказала Александра.

Он положил.

— Я никого не звал. Даже тревогу не включал.

— Умно.

— Можно уйти?

Она посмотрела на его руки. Там не было оружия. Угрожать он не пытался. Ей не платили за него, а тратить лишнюю минуту на бессмысленное убийство не хотелось.

— Считай до ста. Потом делай что хочешь.

Помощник сел на пол и зажмурился.

Александра забрала из кабинета две вещи: бумажную книгу отправок и служебный модуль согласователя, который Корнев использовал как резерв. Основной корпус оставила: снять его без тревоги было невозможно, а данные не стоили новой перестрелки.

На выходе сработала независимая тревога. Последние охранники обнаружили тела на лестнице. Александра вышла через вентиляционную шахту и спустилась на внешнюю галерею.

Внизу её уже ждали.

Не у выхода — это было бы слишком просто. На металлической галерее, ведущей к стоянке, двое сотрудников службы безопасности заняли позиции так, чтобы перекрыть лестницу и единственный освещённый проход. Третий остался на крыше соседнего корпуса. В отличие от первых охранников, они не пытались бежать на шум. Рассчитали, по какому маршруту уйдёт человек, сумевший добраться до Корнева.

Александра остановилась за бетонным выступом. Чужой щит висел поперёк галереи, словно прозрачная стена. За ним медленно двигался узкий прицел. Один из бойцов говорил по рации, сообщая, что обнаружил возможную цель.

Хорошо. Значит, времени мало.

Она вынула пластину подавления и направила поток не на сам щит, а в его питающую линию. Система попыталась ответить встречной командой. Александра оставила её без второго подтверждения. Защита качнулась, на мгновение потеряв устойчивость.

Стрелок открыл огонь. Первая очередь прошла выше головы, вторая ударила в бетонный угол. Александра не пыталась укрыться навсегда. Выбросила короткий силовой импульс в основание ограждения и заставила часть галереи сдвинуться на несколько сантиметров. Щит, привязанный к металлической опоре, получил неверную геометрию и раскрыл боковую щель.

Она прошла через неё прежде, чем система исправила ошибку.

Первый охранник успел только повернуть голову. Нож вошёл ему под челюсть. Второй развернулся с оружием в руках, но девушка уже находилась рядом: перехватила ствол, ударила коленом по опорной ноге, затем закончила движение коротким клинком в грудь.

С крыши ударил третий. Не пулями — направленным подавляющим импульсом, рассчитанным на мага, который только что использовал слишком много собственных техник. Александра почувствовала, как холодная линия пытается остановить движение правой руки. На долю секунды пришлось оставить внешнее подавление и перевести внимание на собственный источник.

Неприятно.

Она опустилась за перила. Чужой импульс прошёл над головой, зацепил железную балку и заставил крепления лопнуть. Пока стрелок восстанавливал контур, Александра бросила нож. С расстояния он не пробил бы его защиту в лоб, но ударил в нижнюю опору щита. Тот качнулся. Следующий короткий поток подавления разорвал связующую линию.

Человек на крыше отступил. Потом сам решил не ждать её приближения и бросился к вентиляционному люку.

Александра не преследовала. У неё не было причин тратить пять минут на последнего охранника, когда цель уже мертва, документы у неё и времени до прибытия полиции остаётся меньше двух минут.

Спустилась по наружной лестнице, пересекла пустую стоянку и села в заранее оставленный автомобиль. Только когда выехала за пределы порта, позволила себе проверить руки.

Правая кисть слегка дрожала. Не от страха. От перегруженной связки, которой пришлось одновременно удерживать собственное управление и мешать чужому щиту. На стенде Борис уже говорил, что такой режим съедает внимание быстрее, чем энергию.

На практике он оказался прав.

Теперь у неё было ещё одно основание закончить новую конструкцию до следующего серьёзного заказа.

Денег за работу оказалось ровно столько, сколько обещали.

Теперь можно было заняться тем, ради чего она вообще выбрала этот заказ.

* * *

По дороге в мастерскую она связалась с Климовым. Канал открылся после двух подтверждений, затем на экране появилась короткая строка с номером заказа.

— Выполнено, — сказала Александра. — Фото и биометрическое подтверждение приложены. Перевод получил?

— Заказчик уже подтвердил. Остаток переведут через час.

— Мне нужен один ответ. Кто настоял на запрете разглашать документацию?

— Он не объяснял. Формулировка пришла вместе с условиями.

— И всё?

— Александра, некоторые заказчики боятся, что исполнитель выяснит о них больше, чем цель. Этот из таких.

— Значит, бумагу я забрала правильно.

Климов помолчал.

— Ты понимаешь, что это может быть отдельным основанием для претензий?

— В договоре указано: не разглашать коммерческие сведения. Я ничего не разглашаю.

— Ты научилась читать условия ещё внимательнее, чем я.

— Ты за это и берёшь процент.

Связь закрылась.

Она не собиралась продавать бумаги Корнева третьей стороне. Интересовали только маршруты оборудования и люди, которые его производили. Остальное пусть остаётся у мёртвого владельца — теперь это проблемы наследников и тех, кому он задолжал.

Климов отправил подтверждение оплаты уже в пути. Александра проверила сумму и удалила сообщение. Работа закончилась. Из неё осталось только то, что она сама считала полезным.

По дороге Александра сверила записи, снятые с модуля Корнева, с бумажной книгой отправок. В нескольких строках числился один и тот же склад, но массы груза отличались на величину, которую нельзя списать на упаковку. По документам туда отправляли обычные железнодорожные запчасти. По энергии, которую требовали сопровождающие согласователи, перевозили нечто значительно более сложное.

Она не стала немедленно сообщать об этом Борису. Сначала убедилась, что записи подлинные. Корнев мог оставить ложный маршрут, если опасался охоты за собственной документацией. Впрочем, человек, который собирается спрятать информацию, редко пишет контрольные цифры на бумаге той же рукой, что и внутренние служебные отметки. Александра сравнила штрихи, порядок заполнения и признаки исправлений. Подделку пришлось бы делать слишком старательно для обычной приманки.

На одном из листов обнаружился знакомый индекс. Рядом стояла короткая запись о ручном переносе после отказа внешнего подтверждения. Получалось, что часть груза прошла через узел, который не имел права открываться по штатной схеме. Кто-то сознательно использовал аварийный режим и заплатил за него как за обычную поставку.

Она позвонила Борису.

— Если согласователь работает в ручном режиме, может он перенести тяжёлый контейнер без постоянной привязки?

— Может, если держать несколько опор одновременно. Но зачем?

— Чтобы никто не нашёл место доставки по обычным журналам.

Инженер помолчал.

— Тогда у принимающей стороны всё равно должна остаться физическая отметка. Даже при ручном переносе нужна точка, которая подтвердит завершение перехода.

— Покажи, как её искать.

— По обратному отклику. Но мне понадобится сам прибор.

— Скоро получишь.

Александра закрыла связь. Не собиралась превращать своё расследование в благотворительную помощь людям, которые тоже интересовались «НУЛЁМ». Ей требовалась собственная картина. Кто разработал систему подавления. Кто заказал защиту против неё. И почему теперь те же люди перевозили оборудование так, словно обычные дороги перестали казаться им достаточно тайными.

Ответы могли подождать несколько часов. Документы находились у неё, цель по контракту мертва, а в ближайшей мастерской ждал специалист, умеющий превращать чужие технические ошибки в полезные инструменты.

* * *

Борис исследовал модуль до рассвета.

— Согласователь связан с четырьмя независимыми точками, — сказал он. — И одна из них находится не в здании Корнева.

— Где?

— Не могу определить по памяти. Здесь запись о последнем соединении, но координаты хранятся отдельно. Зато могу сказать, что точка предназначена для пространственной стабилизации. Не просто щит, а опорный узел. Если он начинает терять форму, остальные должны удерживать его независимо от внешнего сигнала.

— Значит, устройство рассчитано на работу возле разлома.

— Или на искусственный переход, который нельзя закрывать обычным подавлением. Они словно боятся, что кто-нибудь обрубит одну нить и уронит всё сооружение.

Александра посмотрела на схему. Четыре линии, каждая способна заменить соседнюю, но главная команда зависит от одновременного подтверждения. Такая система могла оказаться прекрасной защитой. Или отвратительной ловушкой, если научиться удерживать все линии сразу.

— Мы можем это подавить? — спросила она.

— Теоретически — да. Если разделить управление на несколько самостоятельных уровней. Но нужно будет удерживать их непрерывно, без возможности отвлекаться на полноценный бой.

— Значит, кто-то должен прикрывать.

— Именно.

Она задумалась не о партнёрстве. О стоимости работы, которая требовала второго специалиста. Подавление само по себе было сложным, а необходимость стоять неподвижно, пока кто-то пытается перерезать тебе горло, делала задачу неприятной.

— Сколько времени нужно для новой схемы?

— Несколько дней. Может, больше. Сначала разберу алгоритм. Потом соберу стенд.

— Делай.

Борис выключил запись. Помолчал и добавил:

— На бумажных отправках есть интересная отметка. Корнев возил не только приборы. Два раза — тяжёлые стабилизаторы под кодом «А-17/П». Они ушли к старому стекольному комбинату.

Александра подняла взгляд.

— Это ещё действующий объект?

— По документам — нет. Но платили за перевозку так, будто везли императорскую корону.

Она убрала лист в сумку.

Может, это имело отношение к людям, которые пытались управлять чужой магией. Может, нет. В любом случае теперь появлялся адрес. А адреса, в отличие от красивых научных объяснений, можно было проверять.

Климов прислал подтверждение перевода гонорара. Александра отметила контракт выполненным и закрыла канал.

Она не собиралась пока рассказывать Ильину о находке. Демьян занимался своими делами, она — своими. Никто никому ничего не обещал.

Глава 4. Сборка

Старый стекольный комбинат умер задолго до того, как его стали использовать для научных экспериментов.

Четыре печные трубы, два корпуса с выбитыми окнами, железнодорожный тупик и административное здание, на котором ещё сохранились буквы советского названия. После закрытия территорию частично выкупили, частично сдали под склады. Половина дорог заросла кустарником. Вторая, как ни странно, оставалась в идеальном состоянии.

Егор показал мне спутниковый снимок.

— Вот сюда проходят тяжелые машины. Три за последние сутки. Все с закрытыми кузовами.

— Разгружают где?

— В шестом корпусе. Снаружи он пустой. Но поставили новые силовые ворота, вентиляцию и резервную станцию. Датчики расхода не соответствуют объёму здания.

— Потому что настоящее помещение больше.

— Или находится в другом месте. Здешние ворота лишь точка соединения.

Марина увеличила одну из фотографий. У стены стояла компактная кабина технического контроля. Рядом — обычная табличка с телефоном подрядчика и номером допуска.

— Проверяющий из «Каскад-Ресурс» приезжает в начале каждого окна, — сказала она. — Его зовут Денис Корнилов, старший инженер по энергоузлам. Он не знает, для чего собирают комплекс. И передаёт подтверждение только после проверки реальной нагрузки.

— Мы можем подменить его данные?

— Можно, — ответил Егор. — Но это погасит окно и привлечёт внимание. Нам выгоднее добавить к его измерению пассивную запись.

— На русском.

Марина положила на стол небольшой прибор размером со спичечный коробок.

— Считыватель. Ничего не передаёт. Когда система согласует направление, устройство запоминает обратную поправку. По ней можно восстановить часть относительных координат. В режиме работы не отличается от обычного датчика помех.

Я взял прибор. Металлический корпус, две пружинные ножки, механический переключатель. Никакого ненужного украшательства.

— Где установить?

— В техническом разъёме возле выездной панели. Лучше до начала переключения. Потом не трогать до конца.

— А если проверят?

— Сразу увидят. Он не шпионское чудо. Просто маленький измеритель. Поэтому нам нужно, чтобы никто не смотрел туда в течение получаса.

— Сложно, но не смертельно.

Егор повернул экран.

— Ещё одна вещь. Когда откроется сборка, мы, возможно, увидим два маршрута. Первый — наружная камера для подключения оборудования. Второй — центральная рабочая область. Не пытайся пройти по второму, пока не выясним, что держит геометрию. Установка может закрыть переход независимо от твоей силы.

— И что, меня там похоронят?

— Не знаю. Но документы точно не спасут, если мы их не получим.

На этом он меня убедил.

Взять прибор, проверить объект, сохранить возможность войти позже. Иногда умнее не устраивать драку там, где от тебя ждут именно драки.

Техническая подготовка заняла больше времени, чем сам путь до комбината. Это меня не раздражало. Раздражение вообще редко помогает, когда пытаешься попасть в помещение, координаты которого перестают существовать каждые несколько минут.

Сначала мы с Мариной разобрали прежние записи «Сдвига». Там стояли обычные штампы времени, отдельные метки передачи груза и значения стабилизаторов. На первый взгляд ничего особенного. Но рядом с каждым открытием находилась поправка, которая не совпадала с внешними приборами. Установка словно заранее знала, какое расстояние ей предстоит сделать неправильным, и вносила поправку до появления самой ошибки.

— Это может быть обратная связь, — сказала Марина.

— А может, им кто-то подсовывает ответ раньше вопроса, — заметил Егор.

— Если это действительно древний узел, он не обязан пользоваться нашим временем, — добавила она.

Не люблю выражения «не обязан пользоваться нашим временем». Обычно после них приходится покупать новые часы, новую аппаратуру и, если всё совсем плохо, новое помещение для людей, которых стало меньше.

Мы проверили несколько способов измерения. Первый считыватель показывал только активную фазу. Второй — направление разгрузки. Третий фиксировал короткую паузу, возникавшую перед переназначением главной опоры. Именно третий оказался полезнее остальных. В паузу система ещё не меняла координаты, но уже переставала принимать старые как окончательные. Такой момент можно было поймать механически, без передачи сигналов в сеть.

Егор предложил поставить два одинаковых прибора. Один в технической шахте, другой у наружного распределителя.

— Не пойдёт, — ответил я. — Два одинаковых устройства легче найти по типовой схеме. Одно — случайная неисправность. Два — уже чьё-то любопытство.

— Тогда разный корпус, разная разводка.

— Именно. И никаких одинаковых следов крепежа.

Он посмотрел на меня с тем выражением, с каким инженер обычно смотрит на человека, способного испортить вечер одной фразой.

— Ты всегда был настолько неприятен к мелочам?

— В прежней работе мелочь обычно делала дырку в голове.

Марина молча разложила передо мной два корпуса. Один походил на штатный измеритель температурных потерь, другой — на бесполезную запчасть от старого генератора. Оба работали. Мне понравилось.

Затем настала очередь маршрута. На картах комбината обозначались четыре прохода, но два заканчивались рядом с работающими терминалами. Третий вёл через помещение, где дежурили люди с приборами контроля источника. Четвёртый проходил по старой ремонтной шахте под печью. Вход завалили кирпичом ещё до того, как «НУЛЬ» арендовал объект. Там никто не ожидал гостей и потому не поставил современной защиты.

— Зато там может быть обвал, — сказал Егор.

— Земля меня пока слушается.

— А если обвал устроят специально?

— Тогда кто-то подарит мне очень хороший повод перестать быть вежливым.

Вечером я заехал на местность без магии. Обычный автомобиль, обычная куртка, несколько остановок на придорожных площадках. Проверил, как ходит охрана, где стоят камеры и сколько времени грузовик проводит между двумя контрольными воротами. Проехать мимо одного места дважды было достаточно, чтобы понять: там не смотрят на номера, там смотрят на привычность поведения.

Изображать местного работника я не собирался. В моём возрасте люди слишком часто обращают внимание на несовпадение лица с должностью. Зато можно было прийти туда, где никто вообще не привык ждать человека.

Перед самым выездом Егор позвонил снова.

— Я нашёл в старых журналах две нештатные остановки. Оба раза перед открытием перехода отказывала третья опора. Учёные потом назвали это временной дрожью.

— Что ты называешь этим?

— Признаком того, что система не полностью подчиняется их расчётам. Не ударяй по третьей опоре, пока не поймёшь, куда она связана.

— Запомнил. И спасибо.

Он не ответил сразу. Потом сказал, что такой редкий случай признательности стоит записать в журнал. Я пообещал прислать ему счёт за право публикации.

Операция оставалась простой по замыслу: увидеть настоящую сборку, снять параметры, уйти. А вот условия её выполнения уже выглядели значительно интереснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.